

ВМЕСТО ДОПОЛНЕНИЯ

Ответы на вопросы и выступление на I теоретической конференции Международной логико-исторической школы.
МГУ им. М.В. Ломоносова –
Современная гуманитарная академия. 2002 г.

Ответ Рудакову.

Первое. С. И. Рудаков говорит о том, что «многие аспекты «Логики «Капитала» пока упрощаются, в том числе и в вазюлинской «Логике». И в доказательство приводит один следующий пример: «Так, например, учёный пишет: «Сущность характеризуется как двойственный процесс: процесс труда (предпосылка в сфере сущности) и процесс возрастания стоимости (собственно сущность)» [48]. Представляется, однако, – комментирует С.И.Рудаков, – что предпосылка сохраняется в сущности не как процесс труда, а как процесс производства товара. Тем более, что сам проф. Вазюлин пишет: «Но если потребительные стоимости – сторона предпосылки, находящаяся в сфере бытия капитала, то процесс производства потребительной стоимости есть та сторона предпосылки, которая существует в сфере сущности» [48].

В тексте «Логики «Капитала» К. Маркса» было пропущено одно слово: там, где написано «предпосылка в сфере сущности», следовало написать: «предпосылка **предпосылки** в сфере сущности». Именно такое понимание и выражается в целом в тексте книги: предпосылка капитала (или, говоря в строго логическом аспекте, простейшее отношение капитала) снимется в сфере сущности капитала, причём **двойственность предпосылки** (здесь равно: простейшего отношения) капитала снимается в сфере сущности капитала **в двойственности сущности** капитала.

Двойственность простейшего отношения капитала (потребительная стоимость и стоимость, т. е. бытие и сущность товара) снимается в **двойственности сущности капитала** (процессе труда и процессе возрастания стоимости).

Или, если выразить сказанное чисто логически, то следует сказать так: бытие предмета снимается в сущности предмета, двойственность бытия предмета снимается в двойственности сущности (бытие бытия предмета или, менее строго, но более доступно говоря, предпосылка предпосылки предмета), снимается в несущественной стороне сущности, а сущность бытия предмета, или сущность предпосылки предмета, снимается в существенной стороне сущности. Здесь, между прочим, можно фиксировать, что сущность предмета содержит в себе своё иное в двух отношениях: во-первых, свою предпосылку в снятом виде, и, во-вторых, снятую предпосылку своей предпосылки.

Второе. Создаётся устойчивое впечатление, что С. И. Рудаков отождествляет логический и исторический аспекты рассмотрения предмета. Он говорит: «Формирование человеческого общества (его **явленческая** стадия), с точки зрения учёного, охватывает рабовладение, феодализм и капитализм. Наконец, **зрелость** человеческого общества (его **действительность**) есть коммунизм» (подчеркнуто В. В.).

Тут формирование отождествляется с явлением, а зрелость предмета – с его действительностью. Историческое, исторический способ исследования и изложения сводятся к логическому, к логическому способу исследования и изложения.

На мой взгляд, и поверхность, и сущность, и явление, и действительность приобретают вполне развитый вид лишь на стадии зрелости предмета, и в «чистом», во вполне логически последовательном виде категории «поверхность», «сущность», «явление», «действительность» представляют собой отображение предмета на стадии его зрелости. История же предмета – ближайшим образом и на прогрессивном этапе его развития – включает в себя стадии подготовки (начала развития) предмета, первоначального возникнове-

ния сущности, формирования, зрелости предмета. И поверхность, и сущность, и явление, и действительность развиваются, а не возникают сразу в готовом виде на зрелой стадии. В истории предмета не происходит так, что сначала образуется, например, сущность, но совсем отсутствует ее явление и действительность и т.д.

И в дальнейших утверждениях С.И. Рудакова присутствует упомянутое отождествление: «Однако применение логической схемы «Капитала» к истории в целом обнаруживает и ряд дискуссионных проблем. Прежде всего, коммунизм как **зрелость общества**, как его **действительность** (подчеркнуто В.В.) оказывается как бы наполовину в рамках самой предыстории. Ведь если сам товар как начало капитала подчиняется логике поверхности, сущности, явления и действительности и только потом происходит переход к собственно сущности предмета, каким является капитал, то в «Логике истории» предыстория как становление человеческого общества фактически включает в себя и коммунизм.

Во-первых, перенесение «логической схемы» «Капитала» К. Маркса (поверхность – сущность – явление – действительность) на рассмотрение истории человечества в целом было бы применением собственно логического способа там, где должен применяться исторический или, если угодно, логико-исторический.

При написании «Логики истории» было необходимо, **основываясь на логической системе «Капитала» К. Маркса, выйти за её пределы. Выделение стадий развития и означало этот выход.** Логическое и историческое, логический и исторический способы исследования и изложения едины, но вместе с тем не сводимы друг к другу, как минимум отличаются друг от друга.

Во-вторых. По поводу того, что «если товар как начало капитала подчиняется логике поверхности, сущности, явления и действительности и только потом происходит переход к сущности предмета, каким является «Капитал», то в «Логике истории» предыстория как становление человеческого общества фактически включает в себя коммунизм».

На мой взгляд, стоит исходить не просто из аналогии, а, основываясь на логике «Капитала» К. Маркса, стремиться развить её, сообразуясь с иным, нежели в «Капитале» К. Маркса предметом.

В «Логике истории» предметом рассмотрения является человеческая история, человеческое общество (главным образом в его прогрессивном развитии) в целом. Чтобы понять человеческое общество в целом, необходимо взять его в соотношении не с теми или иными историческими формами, стадиями развития общества, а в соотношении с природой. Общество, человечество, в конечном счёте, возникает из природы и представляет собой новую, более высокую стадию развития по отношению к природе.

Если предметом рассмотрения служит общество в целом, общество, человечество по отношению к природе, то стадия подготовки (начала) возникновения общества, человечества, то есть стадия, предшествовавшая стадии первоначального возникновения сущности общества, человечества совершалась в недрах природы до образования собственно общества, человечества. Такой стадией и была стадия антропосоциогенеза.

А первая историческая форма общества (в отличие от природы) – первобытнообщинный строй.

Последующие исторические формы общества – это этапы, стадии преобразования новой сущностью унаследованной, т. е. природной основы, преобразование новой сущностью как окружающей природной среды, так и природы самих людей. Коммунизм есть зрелое общество прежде всего в том смысле, что новая сущность (сущность общества, человечества) овладевает природными основами своего существования и развития, создаёт адекватную себе основу в отличие от девственной природы, в отличие – ближайшим образом – от животного мира, в котором важнейшим является борьба за выживание, за удовлетворение жизненных необходимых биологических потребностей.

В «Логике истории» предпринята попытка рассмотреть ход – главным образом прогрессивного – развития человечества в целом (и структуру, строение человеческого общества, насколько это представлялось возможным на нынешней ступени развития человечества).

Но я совсем не исключаю, а напротив, считаю необходимым исследование с точки зрения логико-исторической, в качестве относительно самостоятельного предмета изучения классового общества.

Если предметом исследования становится не общество, человечество в целом, а классовое общество, то тогда, по моему мнению, первобытное общество выступает как стадия подготовки (начала), рабовладельческое общество как стадия первоначального возникновения сущности классового общества, феодализм как стадия формирования, а капитализм как стадия зрелости классового общества.

Если С. И. Рудаков полагает, что «только с рабовладением возникает сущностная стадия общества, тогда как в первобытном обществе социальное лишь начало зарождаться», то он, на мой взгляд, смешивает два предмета рассмотрения – общество в целом и классовое общество, более того, фактически, неосознанно **сущность общества, взятого в общем и целом, сводится к сущности классового общества.**

Иначе говоря, сущность классового общества в сознании С.И.Рудакова предстаёт как сущность человеческого общества, взятого в целом.

По моему мнению, один из источников сведения сущности человеческого общества в целом к сущности классового общества заключается в исторической (подчёркиваю – исторической, а не личной) ограниченности той стадии, формы марксизма, которая была возможна в эпоху К.Маркса, хотя в явном виде в трудах К. Маркса не обнаруживается.

К. Маркс и Ф. Энгельс вполне закономерно при рассмотрении истории человечества выделяли доклассовое, классовое, бес-

классовое общество. Совершенно естественно, что точкой отсчёта служило классовое общество.

В ту эпоху складывались только исторические предпосылки коммунистического общества, не наступила даже стадия первоначального возникновения сущности коммунистического общества. Поэтому коммунистическое общество можно было рассматривать главным образом путем отрицания существующей и существовавшей истории классового и доклассового общества. При таких объективных исторических условиях было очень вероятно, а, по-моему, просто необходимо значительное, существенное неразличение друг от друга сущности классового общества и сущности общества, взятого в целом.

В современную эпоху различение их возможно на более глубоком уровне, чем в эпоху К.Маркса.

Третье. О структуре общества. «Ещё более дискуссионным, – говорит С.И.Рудаков, – представляется применение логической схемы «Капитала» к толкованию структуры общества». И далее речь идёт о следующих идеях.

Во-первых, о простейшем отношении. «В качестве простейшего отношения – «клеточки» общества – В.А. Вазюлин выделяет его биологическое бытие». Не буду пересказывать то, что по этому вопросу я написал в «Логике истории», скажу лишь, что, говоря о простейшем отношении общества, имею в виду не просто биологическое бытие, но биологическое бытие человека.

А между просто биологическим бытием и биологическим бытием человека имеется существенное различие. Для пояснения проведём аналогию с «Капиталом» К. Маркса. К. Маркс начинает рассмотрение товара с потребительной стоимости. Однако потребительная стоимость существовала до появления товара и сохраняется после его исчезновения.

Между тем потребительная стоимость в «Капитале» К.Маркса выступает как простейшее отношение именно товара. В чём тут дело? Дело заключается в том, что К.Маркс берёт потреби-

тельную стоимость не саму по себе в отрыве от товара, а анализирует потребительную стоимость только в том отношении, в каком она есть сторона товара.

Он выделяет – при рассмотрении потребительной стоимости как стороны товара – только то, что «товар есть, прежде всего, внешний предмет, вещь, которая благодаря её свойствам, удовлетворяет какие-либо человеческие потребности»¹. От всего остального К. Маркс отвлекается: «Природа этих потребностей – порождаются ли они, например, желудком или фантазией – ничего не изменяет в деле (К. Маркс имеет в виду обмен товаров, взятый в чистом виде – В. В.). Дело также не в том, как именно удовлетворяет данная вещь человеческую потребность: непосредственно ли, как жизненное средство, т. е. как предмет потребления, или окольным путём, как средство производства»². Аналогично обстоит дело и с простейшим отношением человеческого общества. Ещё раз подчеркну: речь идёт не просто о биологическом, а о биологическом бытии человека.

Во-вторых, дискуссионной, двойственной кажется С.И. Рудакову трактовка в «Логике истории» надстройки: «...если сущность – материальная деятельность и материальные отношения, – говорит он, – то не может она разворачиваться в нематериальное явление и нематериальную действительность (имеются в виду, говоря словами С.И. Рудакова, «надстройка и социальная сфера с её нематериальной стороны»).

Что можно коротко сказать об этом? Тут опять-таки имеет место отождествление разных аспектов. Конечно, материализм и идеализм противоположны, взаимно исключают друг друга. Но если подходить к материализму и идеализму только как к чему-то раз и навсегда данному, то становится невозможным объяснить происхождение этого отношения, происхождение, в том числе идеализма, превращения идеализмом идей в нечто первичное, изначально вечно существующее, становится невозможным объяснить

¹ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., 2-е изд. Т. 23, с. 43.

² Там же.

происхождение идей. И материалистическая позиция при таком подходе превращается в свою противоположность. В «Логике истории» речь идёт о структуре общества главным образом как о существующей в «снятом» виде генетической связи разных сторон, сфер общества, т. е. предмет рассматривается не в логическом аспекте, взятом в отрыве от исторического, а в логико-историческом плане, во внутреннем единстве логического и исторического подходов, способов. Дальнейшее и весьма важное, на мой взгляд, по этому вопросу будет сказано чуть позднее.

Четвёртое. Совсем неприемлемой считает С. И. Рудаков идею о снятии материалистического понимания истории. С его точки зрения, может быть либо материализм, либо идеализм, и не может быть ничего третьего.

Здесь опять-таки проявляется позиция человека, сознание которого «захвачено в плен классовым обществом». Это с моей стороны не обвинение в адрес С.И. Рудакова, а констатация того, что классовое общество воздействует не только на идеи, мысли, сознание его защитников, но и на идеи, мысли, сознание марксистов. Это констатация представления, практически безраздельно господствовавшего и господствующего среди марксистов (о немарксистах и говорить не приходится), соответствующего эпохе К. Маркса, но подлежащего изменению в настоящее время.

В самом деле. Разделение на материализм и идеализм возникло с появлением разделения труда на физический и умственный. Разделение на физический и умственный труд **не существовало в доклассовом обществе, а возникло в классовом.**

Именно на почве разделения (и тем более противоположности и противоречия) физического и умственного труда возникло и развилось различие (противоположность, противоречие) материализма и идеализма.

В процессе развития коммунистического общества, когда будет «снято» различие (а тем более противоположность и противоречие) физического и умственного труда, соответственно, будет

«снято» и различие (противоположность и противоречие) материализма и идеализма.

«Снятие» различия (противоположности, противоречия) материализма и идеализма произойдет, на мой взгляд, совсем не в том смысле, что сохранится и то, и другое, а произойдет их примирение, но в том смысле, что **сама реальная жизнь общества не будет порождать объективные и субъективные иллюзии** об абсолютно самостоятельном существовании сознания, идей, мыслей, представлений, чувств... об их первичности, о принципиальной непознаваемости мира. Основной философский вопрос перестанет быть вопросом.

В «Логике истории», написанной в конце 70 – начале 80-х годов теперь уже прошлого столетия, при всем желании нельзя было четко и однозначно высказать идею о «снятии» материализма и идеализма, о вызревающих предпосылках и условиях коренного изменения развития философии (и вообще развития наук), о том, что разделение на материализм и идеализм, развитие философии (и вообще развитие наук) предстает существенно иначе с точки зрения зрелого человеческого общества, чем с позиций классового общества (как его утверждения, так и преимущественного его отрицания).

Вопросы участников конференции

Шмаков В.И. В предисловии к Вашей книге автор предисловия пишет: объективно социализм не был развитой органической системой, что не давало возможности исследования его с помощью непосредственного использования методологического богатства «Капитала» Маркса.

Вопрос вот в чем. Сегодня проблема состоит не в том, чтобы сказать: необходим социализм, коммунизм, – это все заклинания. Это заклинания до тех пор, пока нет научно выстроенной, теоретически продуманной модели и методов, механизмов и путей ее реализации, т. е. программы и т. д. Такой модели социализма российского не существует.

Если мы сейчас не можем такую модель выстроить на основе научной теории, потому что она незрелая, то тогда как мы будем делать прогноз, с чем будем выходить к населению, к рабочим, к интеллигенции? Что им рассказывать? Опять наши утопии? Может быть другой метод нужен, а не метод «Капитала»?

Барсов А.С. Мы говорим, что при коммунизме будет удовлетворение по потребностям. Далее, по Марксу, стоимость в процессе развития общественного производства, в перспективе – труд, будет становиться бесконечно малой величиной.

А вот теперь вопрос: За счет чего будет при коммунизме удовлетворяться потребность в продукте? Ведь при коммунизме стоимости не будет. Некоторые говорят об экономике потребительной стоимости. Маркс же говорит, что потребительная стоимость – это категория товароведения. Так за счет чего же будет удовлетворяться потребность? За счет энергии. Физика дает нам решение проблемы. Так что, не стоимость, а энергия будет при коммунизме давать возможность удовлетворения потребности. И когда говорят о проблеме стоимости, то при коммунизме труд будет, но он будет бесконечно малым. Скажите, это так или не так?

Чусов А.В. Я хотел бы спросить о соотношении необходимости и случайности в историческом процессе, а именно, о возникновении того, что называется ранним социализмом. Вы сказали, что обобществление было осуществлено, хотя производительные силы были к нему не готовы. Верно ли, что для утверждения раннего социализма политическая почва была готова, а экономическая не готова, и необходимость возникновения раннего социализма была, в основном, политической?

Ответы на вопросы

В. А. Вазюлин. Прежде чем перейти к ответам на вопросы, еще раз о моем отношении к материалистическому пониманию истории.

Великое открытие материалистического понимания истории К. Марксом было сделано тогда, когда классовое общество достигло своей зрелости и когда капитализм – зрелая стадия классового общества – в свою очередь вступил в зрелую стадию. Именно в эту эпоху соотношение физического и умственного труда, с одной стороны, перешло на зрелую стадию своего противостояния, а с другой стороны, стали образовываться исторические предпосылки исчезновения противоположности (и противоречия) физического и умственного труда.

Материалистическое понимание истории было (и остается) философской, методологической основой теории – главным образом **отрицания** капиталистического, а также докапиталистического общества и практической борьбы против классового и в первую очередь против капиталистического строя.

Но со времен К. Маркса произошли коренные изменения в истории человечества. Хотя капитализм, классовое общество продолжают существовать, однако в XX веке в ряде стран произошли социалистические революции, и эти страны пошли по социалистическому пути развития. Некоторые из них существуют до сих пор, до сих пор идут по социалистическому пути.

Таким образом, «в порядке дня» прогрессивного человечества – вопрос не только об отрицании капитализма, но и о созидании социализма.

Решение проблем, связанных с созиданием социализма, необходимо предполагает существенное развитие теории и ее методологической основы.

Для созидания первой фазы коммунизма – социализма – необходимо стать на позицию **не отрицания** капитализма и даже всего классового общества, а на позицию **утверждения** новой, зрелой стадии развития человечества в целом.

С этой же позиции необходимо диалектическое «снятие» (диалектическое «снятие»), напомню, есть преобразование существующего, при котором сохраняются в преобразованном виде все действительные достижения, имеющиеся ко времени преобразования)

материалистического понимания истории, ибо на путях развития зрелой стадии человечества происходит **диалектическое «снятие» реальной основы этого понимания** – противоположности (и противоречия) физического и умственного труда. Диалектически «снимается» противоположность (и противоречие) материализма и идеализма, ибо по мере исчезновения противоположности (и противоречия) физического и умственного труда исчезает иллюзия об абсолютной самостоятельности сознания, мышления, идей, чувств от материальной жизни общества, исчезает объективная видимость абсолютно независимого, первичного существования сознания, мышления, идей, чувств. А значит, исчезает и необходимость борьбы с этой иллюзией, с этой объективной видимостью.

Об альтернативности истории.

Сейчас довольно широко распространено мнение о том, что историю нельзя сводить к закономерностям, к законам, а необходимо учитывать ее альтернативность.

Конечно, учитывать и исследовать альтернативность истории важно, но сначала с необходимостью приходится выделять закономерный ход истории. Если не выделить сначала закономерный ход истории, то нельзя понять действительную роль исторических случайностей, альтернативности развития человечества.

Так, сейчас перед человечеством стоит альтернатива: либо погибнуть, либо перейти, хотя и в течение длительного времени, к коммунизму. Третьего пути не дано.

Ни сформулировать, ни осознать эту альтернативу, ни предвидеть наиболее вероятный путь развития без изучения закономерного хода истории человечества невозможно. Если же принять во внимание исторический процесс в целом, то можно понять, что он закономерно идет, с одной стороны, к обострению противоречия между обществом и природой, к обострению противоречий внутри общества, внутри человечества, а с другой стороны, закономерно же образуются и вызревают возможности для разреше-

ния этих противоречий на путях перехода к зрелой стадии развития человечества.

Следует особо подчеркнуть, что при переходе к зрелой стадии развития человечества и в ее дальнейшем развитии существенно более важную роль играет осознание этого процесса, по сравнению с ролью сознания в развитии человечества на его предшествующих стадиях: развитие коммунизма имеет своей необходимой предпосылкой осознание процесса развития человечества в целом. Это не чья-то прихоть, а именно необходимость. Она уже существует и дает о себе знать.

Уже не первый год и не первое десятилетие дает о себе знать отсутствие соответствующего современности по уровню и характеру разработанности теоретического понимания стратегических целей коммунистического движения.

В программах Коммунистических партий либо воспроизводится понимание стратегических целей на уровне, соответствующем прежним эпохам истории, либо действительное развитие марксизма подменяется псевдоновациями, не имеющими ничего общего с марксизмом.

Я смотрел работу Г.А. Зюганова о глобализме и перспективах мировой истории. По существу, это те же представления, которые были выражены в его прежних трудах: тот же эклектизм, то же стремление – возможно малоосознанное – совокупить принципиально несовместимые по своей социальной природе идеи, представления друг с другом, та же, мягко говоря, недостаточная обоснованность выдвигаемых положений и т. д.

На мой взгляд, нельзя считать, что такая, с позволения сказать, теория может быть основной для стратегических целей Коммунистической партии. Ведь речь идет, ни много, ни мало, о том, выживет ли человечество или не выживет, каковы пути и способы его выживания, каково будущее человечества. А тут нам предлагают некую несъедобную смесь.

Ныне есть много сомнений в том, что коммунизм осуществим, что человечество, в конце концов, должно к нему приий-

ти. Связаны эти сомнения в немалой степени с тем, что сомневающиеся плохо представляют глубину и направленность тех преобразований, которые совершаются в жизни современного человечества и будут совершаться в ближайшие десятилетия и даже столетия. И поэтому думают, что если бы коммунизм был возможен, то весь процесс должен был совершаться гораздо быстрее.

На самом деле, уже только **переход** человечества на зрелую стадию своего развития – это такой величайший перелом в истории, который сравним с переходом от доклассового общества к классовому. Переход от доклассового общества к классовому происходил в течение **тысячелетий**. Если учесть ускорение хода истории, то и тогда переход от классового общества, от незрелого человечества, от незрелого общества к зрелому займет не одно столетие.

Я отнюдь тем самым не становлюсь на позиции меньшевиков в их борьбе с большевиками.

Борьба большевиков и меньшевиков носила конкретно-исторический характер. И большевики, и меньшевики опирались на действительно существовавшие исторические тенденции, но эти тенденции были поняты ими как оторванные друг от друга, что было неизбежно, так как тенденции действительно противоречили друг другу, объективные противоречия были крайне острыми.

Большевики, на мой взгляд, были совершенно правы в том смысле, что объективные условия для совершения социалистической революции в России имелись, сложилась и революционная ситуация. Надо было брать власть.

В этом отношении меньшевики, отвергавшие позиции большевиков, были в корне неправы.

То же самое относится и к строительству социализма в нашей стране. Надо было строить социализм.

Вместе с тем и меньшевики были в некоторой степени правы, указывая на недостаточность развития производительных сил и на вытекающие отсюда следствия для движения нашей страны

по социалистическому пути. Большевики, отвергая взгляды меньшевиков, не учитывали то «рациональное зерно», которое в них заключалось. Например, В. И. Ленин в одной из последних статей, а именно в статье «О нашей революции (по поводу записок Суханова)», говорит, что Суханов отмечает недостаточность развития производительных сил в России. А кто знает, какие производительные силы нужны? При наличии власти в наших руках (в руках рабочего класса – В.В.) мы их разовьем, – утверждает В.И. Ленин.

Но, во-первых, если смотреть с точки зрения «Капитала» К. Маркса, то уже тогда можно было предвидеть, какой уровень и характер производительных сил необходим.

Во-вторых, полное отрицание большевиками наличия в позиции меньшевиков «рационального зерна» означало, что в позиции большевиков существовало недопонимание отрицательных сторон движения нашей страны по социалистическому пути, а такое недопонимание внутренне связано с недооценкой опасностей для движения страны по социалистическому пути, опасностей, таящихся в самой специфике переживаемой стадии развития, в самой специфике **этого** исторического движения.

Для объективной оценки большевиков и меньшевиков необходимо принять во внимание следующее: условия для социалистической революции и создания нового общества – если рассматривать их в целом, не различая ранние и поздние социалистические революции, ранний и поздний социализм, – **созревали, т. е. они уже были, они уже созрели и их (как зрелых) еще не было.**

Когда перед рабочим и коммунистическим движением в России в начале XX века возник вопрос: «Брать власть или нет?», а затем: «Строить социализм в одной отдельно взятой стране или нет?», то ответ мог быть только однозначным: «Да, брать». «Да, строить». Иначе дезорганизуется движение, не используются возможности, которые, **несмотря на их противоречивость, уже существовали.**

Вместе с тем, есть большая опасность, о чем писал К. Маркс в «Немецкой идеологии»: если коммунисты возьмут власть, когда не будет для этого условий, то возродится «вся мерзость старого мира».

Трудность, сложность заключается в том, что условия для перехода к новому обществу и само новое общество не появляются сразу в готовом, зрелом виде, а в ходе более или менее длительного исторического процесса проходят стадии незрелости (и социализм есть **незрелый коммунизм**). Поэтому опасность возрождения «старой мерзости» сохраняется на всем его протяжении, становясь все менее вероятной по мере продвижения к зрелой стадии.

Так, на мой взгляд, обстоит дело с точки зрения **общего закономерного хода истории**. Если рассматривать историю в аспекте единства исторических законов и исторических случайностей, то надо, с моей точки зрения, выделить как определенный исторический период – период ранних социалистических революций и раннего социализма. Социалистическая революция и социализм в нашей стране относятся к ранним. Гибель раннего социализма, поражение – в конечном счете – ранних социалистических революций весьма и весьма вероятны, хотя абсолютной необходимости в этом нет.

Но гибель, поражение ранних социалистических революций и гибель раннего социализма в тех или иных и даже во всех ранне-социалистических странах не может быть достаточным основанием для исторического пессимизма, для разочарования в возможности победы социализма и коммунизма в конечном итоге.

Я уже говорил в одном из интервью, что любой переход от одной формации к новой, более прогрессивной, является чередой побед и поражений. Как, например, утверждались рабовладельческие государства? Когда начинали созревать рабовладельческие отношения, внутри них обнаруживались противоречия рабовладельческого общества, соседние варвары их уничтожали, так как их сообщества были более прочными.

Возвышение рабовладельческих государств и падение их под ударами варваров происходили в истории много раз.

А если мы будем рассматривать переход от феодального общества к капиталистическому, то увидим, что и в этом случае буржуазные революции не раз терпели поражение. Более того, имели место период ранних и период поздних буржуазных революций.

То, что в одной стране или в нескольких странах потерпела или потерпит поражение социалистическая революция или погибнет социализм, отнюдь не доказывает, что социализм как таковой, как стадия в развитии человечества потерпел окончательное поражение. Из поражений необходимо выходить обновленными. И это будет неизбежно.

Я перехожу, пожалуй, к последнему пункту выступления. Здесь прозвучало отрицание того, что в нашей стране был ранний социализм, и утверждение, что это был социализм утопический.

Утопический социализм, исходя из смысла слова утопия (фантазия, неосуществимая мечта), может существовать только в фантазии. Хотя это не исключает полностью влияние фантазий, иллюзий и т. п. на поведение людей. Но построить реальное утопическое общество просто невозможно.

А теперь о том, был ли в нашей стране ранний социализм. У нас в стране производительные силы – меньшевики в этом отношении были правы – не созрели для созидания такого социализма, который вот-вот перейдет к коммунизму. Но неправы они были в том отношении, что не понимали (как и большевики): процесс созревания условий – это процесс, проходящий разные стадии.

Производительные силы развивались неравномерно. Ряд отраслей был на самых передовых в мире позициях, но в то же время у нас было 45 % ручного труда, а в строительстве – намного больше. Ручной же труд не адекватен даже развитым капиталистическим отношениям. Это одна черта раннего социализма. Другая черта раннего социализма заключалась в следующем.

В связи с тем, что социалистическая революция победила в одной стране, окруженной врагами намного ее превосходящими, и в условиях надвигавшейся Второй мировой войны, строительство социализма должно было происходить в предельно сжатые сроки, в спешном порядке, с отвоеванием для социализма максимума «жизненного пространства».

Поэтому, несмотря на то, что производительные силы не были готовы к всеохватывающему и полному обобществлению, такое обобществление попытались осуществить. На это толкала главным образом, но не только, жесточайшая внешняя необходимость. Упрекать в том никого нельзя! Но забегание вперед должно было сказаться и действительно сказалось.

Вообще при социализме – если рассматривать его, как сказано, с точки зрения общего закономерного хода мировой истории, отвлекаясь от его конкретно-исторических проявлений и от исторических случайностей, – имеет место преимущественно формальное, а не реальное обобществление, подобно тому, как в развитии капитализма существуют две реальные эпохи – формальное и реальное подчинение труда капиталу.

Формальное обобществление при социализме, в частности, ведет к тому, что люди воспринимают государственную собственность как формально свою.

Если же в строительстве социализма происходит забегание вперед в процессе обобществления, то формализм обобществления усиливается. Соответственно, усиливается и отношение к государственной собственности как формально своей.

У нас в первой половине 80-х годов XX века – как сообщалось в «Правде» – было примерно 500 тысяч «несунов» (мелких расхитителей социалистической собственности). Если учесть, что раскрываемость такого рода деяний очень незначительна, то можно себе представить, какое огромное количество людей участвовало, пусть в мелком, но расхищении социалистической собственности. Это было противоречие между общественными и личными интересами. В той или иной степе-

ни оно сохраняется на протяжении всего социализма, но в раннем социализме это противоречие существует в усиленном варианте.

Итак. Ранний социализм¹ имеет две основные особенности: во-первых, ранний социализм возникает и развивается на не вполне адекватной для социализма материально-технической базе, и, во-вторых, ранний социализм возникает в условиях превосходства сил мира капитализма. Соответственно, эпоха позднего социализма начинается тогда, когда, во-первых, социализм начинает развиваться на вполне адекватной себе материально-технической базе, и, во-вторых, когда силы мира социализма начинают превосходить силы мира капитализма.

А вот теперь – ответы на вопросы. По поводу вопроса В.И. Шмакова о модели социализма, выстроенной на основе научной теории.

Развитие общества – естественно-исторический процесс, люди, как доказал К. Маркс, могут ускорить его или замедлить, но не отменить. Поэтому, прежде чем действовать, и для того, чтобы успешно действовать, нужно познать законы этого процесса, закономерные стадии, которые он проходит. И если, предположим, он находится на незрелой стадии, то от того, что это нам не нравится, незрелость его не исчезнет по волшебству, а приходится с ней считаться как с объективной данностью.

Действительно, в исследовании социализма как незрелой стадии коммунистического общества нельзя **непосредственно и в полной мере** использовать всю систему диалектической логики «Капитала» К.Маркса.

Однако разочаровываться в существенном значении логики «Капитала» К.Маркса для исследования социализма не стоит.

Во-первых, логика «Капитала» К. Маркса – логика исследования и изложения зрелого предмета. А так как «анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны» (К. Маркс), то подобно этому логика исследования и изложения зрелого предмета есть ключ к логике исследования и изложения незрелого предмета.

---

¹ Характеристика раннего и позднего социализма дается здесь впервые.

Конечно, переход к выявлению логики незрелого предмета есть выход за пределы непосредственно логики «Капитала» К. Маркса, но такой выход, который исходит и основывается на логике «Капитала» К. Маркса.

Вместе с тем такой выход за пределы логики «Капитала» К.Маркса представляет собой не только переход к логике незрелого предмета, но и переход к более широкому и более углубленному пониманию логики «Капитала». Именно в соотношении с логикой незрелого предмета логика «Капитала» предстает не просто как логика исследования конкретного предмета вообще, а как логика **зрелого** предмета, т. е. как логика **одной из стадий** истории предмета (процесса и т. п.).

Таким образом, логика «Капитала» оказывается «моментом» более широкого и более углубленного понимания диалектической логики, логики истории предмета, в которой логика отображения зрелого предмета не есть то, к чему сводится вся диалектическая логика, а есть логика отображения **одной из стадий** развития предмета.

Во-вторых. Капитализм как одна из стадий предыстории (по сравнению с подлинной историей) человечества есть тоже одна из стадий **незрелого** человеческого общества. В таком отношении в эпоху К. Маркса капитал не мог быть исследован в полной мере.

Тем не менее, если по отношению к подлинной истории человечества капитализм был одной из незрелых стадий процесса развития человечества, то по отношению к **своей** истории капитализм во времена К. Маркса уже вступил в стадию своей зрелости.

Подобно этому социализм – **незрелая стадия подлинной истории**, но социализм может быть зрелым по отношению к **своей** истории. Он имеет и будет иметь и стадию подготовки (начала), и стадию первоначального возникновения, и стадию формирования.

Следовательно, возможности и перспективы как предвидения развития социализма, так и изучения реально существующего социализма не столь пессимистичны, как может показаться.

В вопросе, заданном В.И. Шмаковым, содержится такая фраза: «Сегодня проблема состоит не в том, чтобы сказать: необходим социализм, коммунизм, — это все заклинания».

Да, если просто говорить: «Социализм, коммунизм необходимы», то тут нет проблемы.

Но доказывать, обосновывать необходимость социализма, коммунизма чрезвычайно важно.

Не буду говорить о том, что ныне не только враги социализма, коммунизма утверждают, что история хоронит социализм, коммунизм, не буду говорить и о том, что многие люди, не настроенные против социализма, коммунизма, сомневаются в их необходимости, скажу лишь о том, что по самой сути обоснование необходимости социализма и коммунизма не есть то, что раз и навсегда дано и к настоящему времени абсолютно достигнуто, а представляет собой процесс. **Обоснование необходимости социализма и коммунизма формируется по мере их изучения и развития.**

Далее автор вопроса говорит: «Это заклинания до тех пор, пока нет научно выстроенной, теоретически продуманной модели и методов, механизмов и путей ее реализации, т. е. программы и т. д.».

Прежде всего, я не могу принять в таком контексте термин «модель». Создается впечатление, что социализм и коммунизм можно конструировать. Общественная наука, все человечество, в том числе теоретики социализма и коммунизма, **по крайней мере еще** не находятся на таком уровне, чтобы было возможно **конструирование** развития общества.

Создание «научно выстроенной, теоретически продуманной модели и методов, механизмов и путей ее реализации, т. е. программы и т. д.» тоже есть процесс, который не появляется сразу в виде «программы и т. д.».

В истории марксизма имеется, например, такая программа как «Манифест Коммунистической партии». Однако прежде чем К. Маркс и Ф. Энгельс смогли написать его, они прошли довольно

сложный путь теоретического развития, ими были созданы классические труды, такие как «Святое семейство...», «Немецкая идеология» и др.

Так что же получается? До написания «Манифеста Коммунистической партии» они занимались одними заклинаниями?

Программа нужна и важна, но она не может быть создана без предшествующих ее написанию других этапов теоретической работы.

Вспоминается застарелая болезнь пренебрежения к теоретической работе. Особенно она была характерна для чиновников от идеологии, они полагали, что все и всегда готово для написания программы, достаточно собрать несколько человек на правительственной даче, и они смогут написать программу, «научно выстроенную, теоретически продуманную». Они не понимали, что с теоретической работой дело обстоит не так просто, что предвидение не появляется одномоментно (тем более по предписанию начальства), а есть тоже процесс, что предвидение осуществляется на каждой из стадий теоретического процесса, на каждом этапе теоретической работы и углубляется по мере ее развития. Программа же (и план действий) – завершающий этап этой работы.

На вопрос А. С. Барсова о труде, стоимости и потребительской стоимости при коммунизме можно сказать следующее.

Труд и стоимость отнюдь не одно и то же. К. Маркс впервые в истории человечества последовательно различил труд конкретный, созидающий потребительную стоимость, и труд абстрактный, созидающий стоимость. Стоимость – есть продукт абстрактного труда, воплощенный в продукте конкретного труда.

Труд абстрактный, как впервые показал К. Маркс, представляет собой **исторически определенное общественное отношение**. Он существовал в истории человечества не всегда и исчезнет с переходом к собственно коммунистической стадии подлинной истории человечества.

Потребительная стоимость берется К. Марксом в «Капитале» не сама по себе, а в связи с рассмотрением именно капитала

постольку, поскольку потребительная стоимость и созидющий ее конкретный труд включаются в движение капиталистических производственных отношений.

Производство вещей, предметов, способных удовлетворять какую-либо потребность, т. е. производство потребительных стоимостей («потребительных полезностей»), имеется в любом человеческом обществе, в том числе и коммунистическом.

Стоимости же и порождающей её абстрактного труда на зрелой стадии коммунизма не будет.

Стоимостные отношения достигают при капитализме своего наивысшего развития. Вместе с тем, при капитализме они постепенно и в определенной степени вытесняются, сохраняя, однако, господствующее положение.

Иначе говоря, стоимость постепенно и в определенной степени вытесняется уже в рамках своего господства, в пределах капитализма. В общем и целом изживаются стоимостные отношения на уровне предприятий. Цех с цехом не вступают в отношения обмена товаров, а происходит прямое распределение.

В период монополистического капитализма конца XIX – начала XX веков прямое распределение в известной мере переходит на уровень монополий.

Образованием и распространением транснациональных корпораций аналогичный характер отношений образуется и на этом уровне.

Но речь может идти только о предпосылках исчезновения стоимости при капитализме, а не об уничтожении стоимости в целом, речь идет о законе-тенденции и притом именно на стадии подготовки (начала) исчезновения стоимости.

Что же касается тенденции к уменьшению стоимости в единицах произведенной конкретным трудом продукции, то К.Маркс ее исследует, когда рассматривает относительную прибавочную стоимость: переменный капитал по мере развития производительных сил в пределе стремится к нулю, а постоянный капитал – к бесконечности. Тем самым самодвижение капитала, которое и осу-

ществляется переменным капиталом, создает себе пределы своего существования. Движение к этому пределу – при прочих равных условиях – бесконечно. Здесь видно, что капитализм автоматически не рухнет, а нужна сила, которая устранил капитализм. Условия для образования такой силы вызревают по мере развития капитализма. Впрочем, это уже специальная тема.

При каких условиях может быть преодолена стоимость?

Тогда, когда будет преодолена хозяйственная обособленность субъектов хозяйств. А что лежит **в основе** хозяйственной обособленности? Обособленность (в развитом виде противоположность и противоречие) разных видов труда, т. е., если воспользоваться принятым ныне словоупотреблением, разделение труда. О процессе преодоления разделения труда я надеюсь написать в будущем. Это тоже специальная и весьма сложная тема.

И, наконец, о соотношении необходимости и случайности в историческом процессе. Этот вопрос задавал А. В. Чусов.

Возникновение и развитие раннего социализма – естественно-исторический (но не автоматически совершающийся) процесс. Он складывается как равнодействующая деятельности масс людей¹, которая совершается при определенных условиях.

Естественноисторический процесс закономерен. Однако законы не абсолютны. К сожалению, отсутствует понимание того, что **сами законы проходят стадии своего развития, сами законы возникают, формируются, исчезают**. Если встать на такую позицию, то существенно меняются методология и форма развития. Случайность и необходимость не просто едины в своем различии, но на разных стадиях процесса развития сама их взаимосвязь развивается, проходя различные стадии.

Если мы рассмотрим ранний социализм, то увидим, что существует его и политическая, и экономическая необходимость, как существует и политическая, и экономическая необходимость ранней социалистической революции. В России, например, именно

---

¹ Каждый из них стремится удовлетворить свои потребности, преследует свои цели и т. д.

главным образом экономическая необходимость обусловила переход страны к раннему социализму: крайнее обострение экономических (и, конечно, политических) противоречий мирового капитализма, а также крайнее обострение экономических (и, конечно, политических) противоречий внутри нашей страны.

В.И. Ленин, на мой взгляд, достаточно убедительно показал, что преодолеть грозящую (экономическую, прежде всего и главным образом) катастрофу можно было только на пути социалистического развития России.

Великая Октябрьская социалистическая революция ни в коем случае не заговор, не сугубо политическая акция, не опиравшаяся на экономическую необходимость. «Заговор», выражавший конкретные потребности широчайших масс населения, поддержанный ими, – на самом деле не заговор, а самая настоящая революция.

Революционное движение масс в России в 1917 году было вызвано главным образом жесточайшими экономическими противоречиями, жесточайшей экономической нуждой, условия для преодоления этой нужды в России в определенной степени уже возникли.

С точки зрения развития производительных сил и России, и всего мира в целом, экономические и политические условия для ранней социалистической революции, для образования раннего социализма **уже имелись**. Но именно для **ранней** социалистической революции, для **раннего** социализма. А для **позднего** социализма **таковых условий не было**. Между тем, понимания того, что в своем развитии социализм может пройти два этих этапа, не было, социализм не подразделялся на ранний и поздний. С этим, между прочим, связана и некоторая неадекватность социалистической теории и практики того времени, реально существующей общественной жизни, реальной стадии развития производительных сил.

Итак, экономическая необходимость и была, поскольку она находилась на такой стадии развития, когда стали необходимы ранняя социалистическая революция и ранний социализм, и эконо-

Вместо дополнения

мическая необходимость недостаточно развилась, ибо не сложилась экономическая необходимость поздней социалистической революции, позднего социализма.

**Вступительное слово
на II ежегодной теоретической конференции
Международной логико-исторической школы.
МГУ им. М.В. Ломоносова –
Современная гуманитарная академия. 2003 г.**

Мы должны представлять себе, что период, который мы сейчас переживаем, с точки зрения революции, – период заканчивающихся ранних социалистических революций и период подготовительный к поздним социалистическим революциям. Я думаю, что в настоящее время наиболее важной стратегической задачей, с точки зрения развития общества, или, по крайней мере, одной из важнейших стратегических задач является теоретическая подготовка к новому этапу исторического развития общества, к этапу поздних социалистических революций, позднего социализма. В настоящее время термин «ранний социализм» запущен в обиход, но он так и не разработан по сути дела. Его подхватили, но совершенно не разработали. Что касается термина «поздний социализм» то о нем представлений еще меньше. Но, на мой взгляд, сейчас уже можно с почти полной уверенностью назвать некоторые черты позднего социализма, поздних социалистических революций, и начать теоретическую подготовку к этому этапу.

Сейчас многие ощущают, что прежняя идеология исчерпала себя если не полностью, то во многих существенных чертах, в том числе и та идеология, на которую я опирался и буду опираться – марксизм.

Марксизм с каждой исторической эпохой, с каждым даже великим открытием в области естествознания, как писал Энгельс, должен менять историческую форму. В настоящее время, после Маркса, Энгельса и Ленина, не только произошли очень многие

великие открытия в естествознании, но и существенным образом изменилось общество. Поэтому та историческая форма марксизма, которая существует до настоящего времени, хотя она и не усвоена, на мой взгляд, по крайней мере достаточно, должна быть развита, и только в процессе этого развития марксизма в связи с новыми явлениями и общественной, и естественной науки, с изменениями в обществе, можно будет создать теорию, которая станет мировоззрением движения к позднему социализму.

Ныне многие понимают, что левой идеологии по сути нет. Левая идеология существует либо в форме догматизма, либо в форме смешения некоторых элементов догматического марксизма с социал-демократическими представлениями и с представлениями либо буржуазными, либо добуржуазными. В народе понимают, что идей, которые могли бы объединить народ, в частности российский народ, нет. Искусственно создать такие идеи невозможно, это пытались сделать, но это невозможно. Настоящие идеи вытекают и должны соответствовать объективным условиям развития общества, не данного этапа, а истории развития человечества в целом. И тогда они будут восприняты народом и поняты народом, как свои собственные.

Сейчас, как я уже говорил, ни у одной левой партии нет идеологии, соответствующей нынешнему уровню развития общества. В том числе, и у самой массовой до сих пор партии – КПРФ. И выборы в Думу ярко показали, что на фоне более сознательного отношения к этим выборам, на фоне даже определенной концепции правящих сил, у КПРФ не было своей концепции. Полная рыхлость, полная неотчетливость понимания стратегических целей, если таковые есть. Полное отсутствие теоретических разработок. В этом отношении КПРФ резко отстает в технологии разработки теоретических целей и тактики от буржуазных идеологов.

Если вы наблюдали за дебатами на этих выборах, вы, наверное, видели, что самым ярким пропагандистом КПРФ был адвокат Юрий Иванов. Но ведь он в основном нападал, он не высказывал позитивных идей. Причем нападал с точки зрения устоявшейся

формы марксизма. Что же касается Зюганова, – это вообще какой-то кисель, неизвестно из чего приготовленный. Лучше бы он, конечно, не выступал. Но он выступал чаще, чем кто-либо другой. И это поражение, между прочим, – пример того, что нет современной идеологии. У КПРФ, и главным образом у Г.А. Зюганова, есть некоторые черты марксизма, а также черты социал-демократизма, общинной идеологии, религиозной идеологии; чего там только нет. И что в результате произошло? Власть восприняла многое из этого, как бы оппозиционного, и обратила против коммунистов. И они в полной растерянности, руководство в полной растерянности. Это видно даже по их лицам. Отчего это произошло? Между прочим, оттого, что своей собственной идеологии, своей собственной позиции, принципиально отличной от позиции всех остальных, нет.

Одни говорят, что это поражение, другие – что неудача. Я думаю, что это не просто неудача. Неудача зависит больше от случая, а здесь зависимость не только от условий, в которых действует партия, но еще и от того, что эта партия не занималась ни теорией, ни обучением своих кадров стратегии и тактике, а положила на стихию. Куда вывезет, туда вывезет.

Сравните разные электоральные кампании – они практически ничем не отличаются. То есть, КПРФ не извлекала уроков из прошлого. Сплошная стихия. Но эта стихия чревата тем, что в очередной раз был подвергнут сомнению авторитет коммунистов, их сила, их влияние, их идеология. Произошло значительное разочарование. С кем я ни говорил из людей, относящихся положительно к коммунистам, – все они глубоко разочарованы руководством КПРФ. Нельзя так мямлить, нельзя проводить непринципиальную политику. Коммунистическая партия должна быть постоянно принципиальной. Это единственная партия, которая может по своему положению это делать.

Другие партии открыто этого делать не могут.

В частности, Путин – посмотрите, какую двойную политику он ведет. С одной стороны, он либерал, он за дальнейшую приватизацию, он против деприватизации, а с другой стороны – госу-

дарственный, патриот и т. п. Народу вкладывают одно представление, реально действуют совсем по-другому. Можно сказать, в ряде случаев, – противоположным образом.

Все это я говорю к тому, что теория сама по себе, конечно, не нужна. Если теория становится самоцелью, она не нужна. Теория нужна, в данном случае – это, конечно, не самая главная стратегическая цель, но, тем не менее, одна из стратегических целей, – для подготовки перехода к позднему социализму и дальнейшего движения по пути коммунизма.

Но при этом хотелось бы подчеркнуть то обстоятельство, что теория сама по себе развиваться не может. Если люди, занимающиеся теорией, полностью сосредоточиваются на теории, то они превращаются в секту. Так что одновременно с развитием теории необходима как минимум пропаганда (и тут тоже надо знать меру соответствия уровню развития теории, уровню тех, для кого она предназначена).

И эти конференции я для себя рассматриваю как зародыш кружка или школы, который может работать в этом направлении. На начальном этапе может быть больше неудач, чем удач, на это не нужно обращать особого внимания. Надо учиться в ходе этого развития и не закосневать в своих ошибках, в своих неверных представлениях.

Реакция на выступление С.И. Рудакова.

Мы уже обсуждали вопрос об историческом материализме. До тех пор, пока существует классовое общество, от исторического материализма никто не может отказаться. Но, в то же время, в обществе назревают предпосылки другого общества, бесклассового. С этой точки зрения будет возникать и новое представление об обществе. Но для того, чтобы это новое представление возникло, нужно довести до предела материалистическое понимание истории. У Маркса, Энгельса и Ленина тем более, материалистическое понимание истории не было полностью развито. Можно было бы даже сказать, на каком уровне материалистического понима-

ния истории остановился Маркс. Маркс, конечно, не та фигура, чтобы критиковать его просто так. Если позволит здоровье, я напишу об этом. Сейчас я хочу сказать только, что, именно с точки зрения материалистического понимания истории, нынешний марксизм еще недостаточно развит, но уже возникает необходимость – в более далекой перспективе – перехода к чему-то другому.

Я не буду выступать по поводу того, возможна или невозможна у нас в России победа капитализма, когда капитализм по сути дела уже практически победил. Но мне кажется, при решении этого вопроса, стоит оставаться на классовой точке зрения, о чем забывают или по тем или иным причинам обходят, как кот горячую кашу. Я имею в виду Зюганова и руководство КПРФ. Без решения этого вопроса нельзя определить, какой у нас сейчас строй побеждает или победил и может ли он, если он есть, победить. Без идеи классовой борьбы нельзя решить этот вопрос. Причем, в Конституции записано, что за разжигание социальной розни полагается определенная статья. Закрыли начисто, конституционным путем самую суть явления и самую возможность подхода к этой сути. Они знают, где содержится главная опасность для них.

А для руководства КПРФ – это, как будто, само собой разумеется. Начинают говорить о религии, о том, о сем, а о классовой борьбе – ни слова. На одном из Пленумов Зюганов заговорил о классовой борьбе; это было самое классовое из его выступлений. Но на этом дело и закончилось.

Я участвовал в разработке первого варианта программы партии, который потом был устранен партийными чиновниками. Через некоторое время после этого ко мне подошёл один наш бывший выпускник (он входит сейчас в какую-то фирму, которая ворочает огромными суммами) и говорит: «Что это ваш Зюганов говорит о классовой борьбе? Вы думаете, мы его поддерживать будем финансами? О чем он думает?»

И о какой классовой борьбе может идти речь, и о каком понимании сути дела может идти речь, если посмотреть на избирательный список КПРФ? Посмотрите, сколько там было предпри-

нимателей! Говорят – денег нет. Ну, если вы будете приобретать деньги таким образом, то о классовой борьбе забудьте. Не будет никакой классовой борьбы. А если не будет классовой борьбы и будут ходить вокруг да около и ничего о ней не говорить – то как можно победить? Партия перестает быть коммунистической. И что тогда может сказать Г.А. Зюганов принципиально отличного от какого-нибудь буржуазного либерала или какого-либо национал-патриота? И он мямлит, потому что не может стать на определенную позицию. Вот этот подспудный союз с крупным ли капиталом, со средним ли капиталом, с мелким ли капиталом, переходящий определенные границы, не дает возможности теоретически осознать то, что происходит в стране, и ее перспективы. И это далеко от марксизма – прежнего и того, который надо развивать. Идея классовой борьбы – это одна из основных идей.

Мы говорим о Путине: Путин против Ходорковского. Надо говорить о том, что у нас существует определенный класс, уже господствующий. И олигархи – это путаное слово, введенное кем-то, запутывающее суть дела – крупные капиталисты, монополисты, капиталистические монополисты. И надо прямо и открыто об этом говорить. А назвав этих людей олигархами, завуалировали классовую суть. Олигархи, помимо того, что владеют крупным капиталом, еще лезут во власть. Путин отсекает их, он человек властный, да и у него своя группа есть, которая сейчас обеспечивает себе будущее в денежном отношении.

Сейчас как будто наблюдается борьба с некоторыми из олигархов, но дело заключается не в том, что идет борьба с крупным капиталом, как таковым, а о разделе и переделе собственности. И это главное. Капитализм оформляется, переходит к последнему этапу формирования господствующего класса.

Как это будет воспринимать народ? Народ, тем более если ему говорить такие кислородные мысли, ничего не понимает. Я разговаривал с людьми. Говорят: «Я больше ни за кого голосовать не буду», хотя женщина прокоммунистически настроена. Другой говорит: «Мне все безразлично, все они одинаковы». Коммуни-

тическая партия должна четко и ясно отличаться от всех остальных партий без исключения.

И об этом надо постоянно говорить, тем более руководителю партии. Тогда не будет двойственности.

Ведь нет «общества» единого. Общество социально раздроблено. КПРФ не изучает классовый состав общества, процесс формирования классов, осуществляющийся после капиталистической контрреволюции, о действительных интересах различных классов и слоев общества мало что известно. А то, что известно, “ мало осмысленно. Какие слои, классы, их взаимоотношения, на самом деле “ об этом мало что известно. Опросы мало о чем говорят, тем более, что они часто подтасовываются. Идея классовой борьбы – это не просто идея. Это *руководящая идея*, которая позволяет понимать общество, изучать общество, создавать трезвые представления об обществе и о перспективах его развития. Нет этого – нет трезвого понимания общества.

О НЕОБХОДИМОСТИ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО СНЯТИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОРМЫ МАРКСИЗМА

(Доклад и ответы на вопросы на III ежегодной теоретической конференции Международной логико-исторической школы. МГУ им. М.В. Ломоносова – Современная гуманитарная академия. 2004 г.)

Сегодня я хочу высказать некоторые, может быть, даже критические соображения по поводу взглядов К. Маркса и В.И. Ленина. И К. Маркса, и В.И. Ленина я считаю, конечно, первоклассными гениями. Я считаю, что они сделали необыкновенный в истории человечества прорыв в теории. Совершенно необыкновенный. Маркс открыл новую теоретическую эпоху, можно сказать, эру, которая отнюдь не закончилась в XIX веке, она продолжалась и в XX, и будет продолжаться в XXI, и в XXII, и в XXIII веках... Многие идеи Маркса останутся живыми столетия.

Но, тем не менее, в какое-то время появилась историческая необходимость определённого «снятия» классической формы марксизма. Как известно, Фридрих Энгельс писал, что даже с каждым великим открытием в естествознании, марксизм принимает или должен принимать новую историческую форму. После смерти К. Маркса, даже после смерти В.И. Ленина в мире произошли колоссальные изменения, и, прежде всего, появился новый общественно-экономический строй, социалистический строй, появилась первая фаза коммунизма. Другое дело, что это был ранний социализм. Надеемся, что будет ещё и поздний социализм, ранним социализмом история не завершила свою работу.

К. Маркс творил в условиях, когда нового общества не было, мы же прошли путь, когда оно возникло, расцвело и погибло в нескольких странах мира. Главным образом поэтому мы находимся на новом историческом этапе, нам открываются новые возможности исследования и социализма, и коммунизма, и истории человечества в целом. К. Маркс вынужден был, осознавал он это или нет, делать акцент на *отрицании капитализма*. После появления и расцвета, а также гибели социализма в нескольких странах есть возможность перенести акцент с отрицательных аспектов на положительные, то есть на специальное рассмотрение нового общества. Проблема отрицания капитализма, с такой точки зрения, предстаёт глубже и несколько иначе. И предмет это позволяет делать. Но может показаться, и наверняка возникнут возражения по поводу того утверждения, что К.Маркс занимался, главным образом, проблемами *отрицания капитализма*.

Высказанное утверждение нередко воспринимается так, будто я говорю, что К. Маркс занимался *только* проблемами *отрицания* капитализма. Речь же, на самом деле, идёт о том, что он занимался этими проблемами главным образом и что *историческая ограниченность предмета исследования приводила к некоторым необходимым абсолютизациям*. К. Маркс, естественно, исследовал не только капитализм, он осуществил предвидение будущего общества, и он исследовал также в той или иной мере и докапиталистическое состояние общества. Я постараюсь это в какой-то степени показать. Однако полностью это сделать невозможно, это отдельная, очень большая тема. Марксизм – теоретическое, очень сложное образование, более сложное, чем какое-либо другое теоретическое образование. И все же я постараюсь показать, что есть во взглядах К. Маркса исторические, я подчёркиваю, исторические, то есть определённые ограниченности *эпохи*, а не индивидуальные ограниченности. Всякая теория ограничена своей эпохой, но подробнее об этом немножко позже. Сейчас же я хочу сказать о том, когда появилась *необходимость диалектического снятия* марксизма. В эпоху К. Маркса и в эпоху В.И. Ленина такой необходи-

мости, в общем и целом, не было. И марксисты, когда обращались к трудам К. Маркса, главным образом, стремились к пониманию К. Маркса. Даже в известном афоризме В.И. Ленина о том, что нельзя вполне понять «Капитал» К. Маркса, не исследовав, не изучив *всей* Логике Гегеля, речь идёт о *понимании* «Капитала». Именно В.И. Ленин в том же афоризме писал, что никто из марксистов, спустя полвека после выхода в свет «Капитала», не понял его.

Между тем, речь идет о главном произведении марксизма, его фундаменте. Согласно В.И. Ленину, марксисты не поняли «Капитал» потому, что не поняли его диалектического метода, его Логике. В.И. Ленин написал этот афоризм спустя несколько десятилетий после издания I тома «Капитала», но положение существенно не изменилось и после написания этого афоризма В.И. Лениным. Положение с пониманием метода «Капитала» оставалось прежним. После смерти В.И. Ленина и до Великой Отечественной войны в Советском Союзе все, кто так или иначе занимался методом Логике «Капитала», в лучшем случае излагали *прямые* высказывания К. Маркса о методе, Логике «Капитала» и, в первую очередь раздел о методе политической экономии из «Введения к экономическим рукописям 1857–1858 гг.». А надо сказать, что понимание метода, Логике «Капитала» непосредственно подводило к диалектическому «снятию» марксизма, к творческому освоению самых глубоких основ марксистской теории.

После Великой Отечественной войны в СССР, именно в СССР, начался период освоения метода, Логике «Капитала», тем самым образовались теоретические предпосылки для перехода к диалектическому «снятию» классической формы марксизма. Первым в послевоенное время стал изучать метод, Логике «Капитала» М.М. Розенталь. Он первым наиболее полно собрал и, отчасти, классифицировал высказывания К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина о методе, Логике «Капитала». Большинство марксистов как после войны, так и до неё, в основном, старались понять, изложить, рассказать идеи К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина. Подход к К. Марксу марксистов в других странах отличался не

существенно. После войны М.М. Розенталь собрал, по сути дела, все высказывания К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина о методе «Капитала», о методологии «Капитала», опубликовал их, и это было шагом вперёд.

Первым и единственным (за исключением, пожалуй, в какой-то мере, Л.А. Маньковского) человеком, который начал подходить к *теоретическому* осмыслению «Капитала», был Э.В. Ильенков. Но, к сожалению, Э.В. Ильенков остановился, в основном, на «Введении к экономическим рукописям 1857–1858 гг.» К. Маркса и примерах из «Капитала». Но и у него, в его работе, по сути дела, осуществлялась в качестве главной задача – *понять метод К. Маркса. Понять то, что явно есть*. А между тем, у самого К. Маркса, когда мы приступаем к рассмотрению этого «Введения» и, в том числе, его раздела о методе политической экономии, имеются противоречивые суждения о методе политической экономии, но не вполне явные.

Когда Э.В.Ильенков был аспирантом и начал вести спецкурс, и мы, пятикурсники (в числе их были В.А. Лекторский, Г. С. Батищев, нас было меньше семи человек), пришли на спецкурс, у меня ещё тогда возник вопрос по поводу высказывания К. Маркса о том, что единственно правильным в научном отношении методом является метод движения от простейших отношений к сложным, то есть метод восхождения от абстрактного к конкретному.

Сомнение возникло, но в каком смысле? Сомнение возникло в связи с тем, что говорил Э.В. Ильенков по этому поводу.

Обаяние К. Маркса было настолько велико, что несогласие с К. Марксом я перенёс на Э.В. Ильенкова. Интерпретацию Э.В. Ильенковым К. Маркса, которая вполне соответствовала смыслу высказывания классика, я приписал Э.В. Ильенкову. Когда я выразил своё несогласие с его интерпретацией этого высказывания К. Маркса, он ответил, что, после того как диалектика осознана, необходимость специального этапа движения от сложного к простому, вплоть до простейшего не является необходимостью,

не является таким периодом в развитии, который предшествует восхождению.

Но позднее я заметил, что у Маркса есть определённые ограниченности, я бы назвал их *историческими ограниченностями* в понимании и метода восхождения от абстрактного к конкретному, и движения от поверхности к сущности.

Мы имеем в сознании не просто хаотическое нагромождение каких-то представлений, восприятий, но, с самого начала его организуем в той или иной степени, в соответствии с некоторой определённой потребностью в познании исследуемого объекта. По мере продвижения от сложного к простому, от хаотического представления о целом к абстрактному мы строим сначала догадку, затем гипотезу. А это всё есть движение, в своеобразной форме противоположное движению от хаотического представления о целом к абстрактному, от сложного к простейшему.

По существу недооценка роли и значения этого движения проявилась и в высказывании К. Маркса относительно лишь формального отличия метода изложения от метода исследования.

Между тем, движение познания с самого начала идёт в противоположных направлениях. Это два противоположно направленных движения. И совершаются они в единстве. Когда этот путь завершён, и познание пришло к выделению простейшего отношения, начинает преобладать движение от простейшего ко всё более сложному. От абстрактного к конкретному. Но здесь, опять-таки, сохраняется *противоположное движение познания*. Если на первом пути (от хаотического представления о целом к абстрактному) доминировал анализ, а синтез играл подчинённую роль, то на втором пути (движение от абстрактного к конкретному) синтез играет доминирующую роль, *но и анализ не исчезает совсем*, а осуществляется *в единстве* с синтезом. Имеют место, опять-таки, противоположные движения познания, осуществляющиеся во внутреннем единстве друг с другом. Таким образом, если недооценивать движение от хаотического представления к абстрактному (или не придавать этому научного значения), это значит уст-

ранять одно из противоположно направленных движений. Это значит также недооценивать диалектики этого процесса.

Что касается Г. Гегеля, то он, по сути дела, не понял действительного значения и роли движения от сложного к простому, от хаотического представления о целом к абстрактному. Это движение познания совершается не просто в единстве противоположностей, но и спиралевидно. В результате познание как бы приходит к исходному пункту, но на существенно ином уровне. И, если изобразить движение познания схематически, оно будет отображено в форме двойной спирали.

К. Маркс во «Введении» рассматривает предмет политэкономии. А политэкономия до К. Маркса двигалась преимущественно от хаотического представления о целом к абстрактному, к выделению простейшего отношения капитализма. После того, как она подошла к выделению простейшего отношения (прежде всего, в лице А. Смита), начались попытки осуществления познания в обратном направлении – от абстрактного к конкретному (Д. Рикардо). По сути дела, речь шла о подходах к рассмотрению капитализма как единого целого, т. е. о первых шагах такого рассмотрения. Но продвинуться достаточно далеко и, тем более, представить зрелую теорию капитализма как единого целого буржуазная политэкономия не могла.

В области философии аналогичную попытку предпринял Г. Гегель. Он попытался представить мир идей современной ему эпохи как «единство многообразного», как мысленно конкретное. Но, поскольку возможности отрицания капитализма как целого в его эпоху ещё не проявились, то Г. Гегель, изображая современный ему мир идей в целом, представил этот мир как процесс развития, происходящий на неизменной основе. В таком случае развитие не может быть представлено как реальное. Оно может происходить только в мире идей. Другими словами, развитие мира идей Г. Гегелю представлялось как раз и навсегда данное, как изначально существующее, то есть, идеалистически, а не как порождённое реальным историческим процессом бытия.

Отрицание существующего ему совершенно необходимо представлялось как отрицание отрицания в сфере только мышления.

Таким образом, сама историческая эпоха вынуждала мыслителя к этой ограниченности, к этой противоречивости. С одной стороны, он мог, в общем и целом, постичь действительность только как существующую, неизменную, а потому и тем самым как идеалистически понятую. А с другой стороны, он пытался постичь её в целом, как единство многообразного, то есть диалектически. Противоречие Г. Гегеля не было произволом великого мыслителя, оно обуславливалось ограниченностью современного ему общества капитализма.

Следующий коренной шаг в развитии диалектического метода и в постижении капиталистической действительности был возможен только в другую эпоху. В ту эпоху, когда на арену политической борьбы стремился выступить как самостоятельная историческая и политическая сила рабочий класс. Это означало, что стали проявляться возможности отрицания капитализма как целого. К. Маркс чутко уловил значение этой исторической тенденции и встал на позиции рабочего класса, то есть на позиции отрицания капитализма как целого. Это давало принципиально новые возможности в осмыслении диалектики капиталистической действительности.

Теперь вопрос об отрицании можно было ставить не только в плане чисто логического отрицания существующего мира идей и возвращения к нему как бы в «снятом» виде, но и как реального процесса отрицания.

К. Маркс в рукописи «К критике гегелевской философии права» сформулировал это афористично: Гегеля интересует дело *ЛОГИКИ*, а между тем нужно исследовать логику *ДЕЛА*. Поскольку сам К. Маркс стоит на позиции, главным образом, отрицания, то уже здесь проявляются некоторые *исключающие противоположения* того и другого.

Уже в 1843 году в этой рукописи в некоторой степени проявляется исключительное противопоставление своей логики логике Г. Гегеля. Здесь К. Маркс существенно продвинулся по сравнению с Г. Гегелем в понимании Логики, но на его понимание некоторую ограниченность накладывает новая эпоха.

Подобная историческая ограниченность обнаруживается и в понимании К. Марксом соотношения движения познания от хаотического представления о целом к абстрактному и от абстрактного к конкретному.

Живя в существенно более прогрессивную эпоху, чем Г. Гегель, К. Маркс сумел осмыслить её характер, возможности и создал целую конкретную науку, реально отображающую предмет способом восхождения от абстрактного к конкретному. Тем самым он представил этот способ не как движение чистой мысли, а как движение мысли, отображающее каждым своим шагом реальную действительность, реальную капиталистическую действительность. Таким образом, он понял способ восхождения от абстрактного к конкретному более последовательно, чем Г. Гегель, и более диалектично. Ибо К. Маркс придал существенное значение не только способу восхождения от абстрактного к конкретному, но и противоположному способу – движению мысли от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному.

У К. Маркса, в отличие от Г. Гегеля, мысль не рождается исключительно из мысли, не идёт самопорождение мысли мыслью, но, как у действительно познающего человека, всё время витает в живом созерцании реальный предмет. И, следовательно, движение от абстрактного к конкретному является не только этим движением, но и движением от живого созерцания к мысли. В то время как у Г. Гегеля движение от живого созерцания к абстрактному носило формальный характер. Он не придавал этому существенного значения. Здесь проявляется отрыв от реального предмета, от реальной действительности. Здесь проявляется идеализм Г. Гегеля и его метафизичность.

К. Маркс творил в эпоху, когда общества более совершенного, чем капитализм, – коммунистического общества – ещё не было. Поэтому о коммунизме можно было говорить на основании отрицания капитализма. А капиталистическое общество налагало отпечаток на уровень и характер взглядов К. Маркса на коммунизм. И на капитализм тоже. Если же общество познаётся на основании его отрицания, то это познание не является таким, когда могут быть поняты самые глубокие его основы.

Чтобы это в какой-то степени пояснить, обратимся к соотношению религии и атеизма. Атеизм по своему прямому смыслу – отрицание религии. Но атеизм существует до тех пор, пока существует религия. Если нет религии, исчезает и атеизм. Атеизм существует тогда, когда условия отмирания религии возникли, но завершения их формирования не произошло. Эти условия ещё сохраняются в таком виде, когда религия не исчерпала полностью своих социальных функций. То есть наличие атеизма предполагает ещё сохраняющиеся условия существования религии. Отрицание религии необходимо предполагает существование своей противоположности. Вместе с тем, их отношения это отношения *исключающего* противопоставления друг другу. Это противоречие ещё незрелого отношения противоречивых сторон друг к другу. С созреванием этого отношения исчезает и то, и другое. Когда религия полностью преобразуется (исчезнут условия существования религии и, следовательно, сама религия), перестаёт быть необходимым её отрицание.

Подобно этому, если в теории, вследствие уровня и характера эпохи, акцент приходится делать на отрицании этой эпохи, то здесь тоже возникает такое же *исключающее* противопоставление взглядов с позиций отрицания капитализма и взглядов с позиции утверждения капиталистического общества. Но *исключающее* противопоставление противоположных сторон друг другу (притом, что они не могут существовать друг без друга) капитализм не может не порождать. Как он не может не порождать и отрицательное к себе отношение. А отрицательное отношение к капитализму име-

ет существенное значение только в том случае, когда существует капитализм.

Исключающее отношение противоположных сторон друг к другу неизбежно. И это есть разрыв между ними. Можно сказать, непримиримая противоположность между ними. То есть, *исключающая* противоположность. Это, вместе с тем, “ нарушение связи.

Сложность понимания этого вопроса заключается в том, что они (противоположные стороны) и необходимо предполагают друг друга, и, вместе с тем, между ними существует разрыв. Нарушение единства.

Такое отношение имеет место и в реальной действительности между людьми, стоящими на позициях капитализма, и людьми, отвергающими капитализм. И в теоретическом отображении эти отношения у любого, даже у гениального человека и даже сознательно применяющего диалектический метод, порождают моменты, противоположные диалектике. И моменты эти имеют существенное значение.

У К. Маркса есть уже упомянутое утверждение о том, что единственно правильным в научном отношении является способ восхождения от абстрактного к конкретному. Отсюда следует, что движение от хаотического представления о целом и от чувственно-конкретного к абстрактному научного значения не имеет. Но тогда можно подумать, что вся классическая буржуазная политическая экономия не имеет научного значения. В данном случае проявляется, главным образом, негативное отношение к буржуазной политической экономии. Здесь проявляется историческая ограниченность понимания К. Марксом классической буржуазной политической экономии. В то время как несколько ранее К. Маркс, по сути дела, в познании следует от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному и в области предшествующей ему политической экономии, и в области метода. Это означает, что движение от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному является правильным в научном отношении.

Таким образом, имеют место два противоположных друг другу понимания К. Маркса. В первом содержатся утверждения, что движение от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному неправильно в научном отношении, а значит, неправильно движение предшествующей ему классической политэкономической мысли. А во втором “ неявно, но по существу признаётся правильность этого научного движения.

Данное противоречие К. Марксом не осознаётся. И это обусловливается исторической ограниченностью эпохи.

Утверждение, что способ восхождения от абстрактного к конкретному единственно правильный в научном отношении является, тем самым, отрицанием статуса научности движения от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному.

Такой подход представляет собой ещё не до конца преодоленный взгляд Г. Гегеля на проблему движения мысли от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному. Г. Гегель не придавал реального, существенного значения способу движения от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному, когда такое движение находится на стадии преобладания по отношению к движению от абстрактного к конкретному. В мистической форме это изображено в «Феноменологии духа». В соответствии с гегелевским взглядом на соотношение этих движений движение от абстрактного к конкретному необходимо представляется как некое изначально априорное движение. И оно становится действительно таковым, если движение от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному рассматривается как неправильное в научном отношении.

К. Маркс по поводу способов исследования и изложения писал, что изложение результатов может показаться априорным. Действительно, с моей точки зрения оно потому и кажется априорным, что изображение предмета начинается сразу с восхождения. При

этом происходит отвлечение от собственно самой диалектики этого процесса, от единства этих противоположных движений.

Моё осмысление априорности некоторых положений марксизма (в прежде существующей исторической форме марксизма) начиналось не с трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, а со знакомства с работами советских марксистов.

На третьем курсе философского факультета я пришёл к кризису из-за априорности, но не той априорности, о которой речь шла выше в связи с рассмотрением взглядов К. Маркса, а пустой, поверхностной априорности содержания учебников и другой советской философской марксистской послевоенной литературы, в том числе, и очень популярного учебника, так называемой «Серой лошади».

Философия в этом учебнике представляла как игрушка, как искусство для искусства. Но не как средство преобразования общества. Авторы этого учебника наполняли головы сведениями разного рода, а зачем наполняли, непонятно. К этой же категории авторов можно отнести и Т.И. Ойзермана. Когда он нам читал спецкурс по классической немецкой философии, то это был пересказ, поверхностный пересказ работ классиков немецкой классической философии. У меня возник кризис, и я начал читать (это было уже на четвёртом курсе) диссертации, которые тогда на философском факультете каждому студенту по читательскому билету были легко доступны. Как раз в то время диссертацию написал Э.В. Ильенков. Диссертация лежала в библиотеке факультета. Очень интересная диссертация была подготовлена А.Л. Субботиным. Определённый ажиотаж вызвала диссертация А.А. Зиновьева. На меня эта работа произвела впечатление пустой. А вот, что касается Э.В. Ильенкова, то он будил мысль, это была единственная работа, в которой ощущалась живая мысль, в которой ощущалось, что человек думает над реальными проблемами. Вот после этого я занялся «Капиталом», детально изучал, и диплом посвятил простейшим отношениям в первом отделе I тома, а главным образом, в первой главе «Капитала».

Почему я об этом вспомнил? Э.В. Ильенков возбудил интерес к методу исследования политической экономии, к экономическим работам К. Маркса и Ф. Энгельса. И когда я стал внимательно знакомиться с этими работами, мне показалось, что Ф. Энгельс не вполне понял логический способ исследования К. Маркса, не вполне понял проблему исторического и логического. (Потом я высказывал это на университетском Совете по изучению законов и категорий социализма, под руководством Н.А. Цаголова.) А именно он полагал, что К. Маркс следует за *историей* развития форм стоимости. В то время как К. Маркс не следовал за *историей* развития форм стоимости. У К. Маркса была другая *логическая* задача, рассмотрение этих форм в логическом аспекте, т.е. в том аспекте, в том содержании этих форм, которое сохранилось в *зрелом* предмете. А не историю он специально изучал и не из истории он выводил логику.

Сам К. Маркс во «Введении» говорил, что логические категории отражают роль и значение сторон исследуемого предмета именно в данную историческую эпоху. В рецензии Ф. Энгельса на книгу К. Маркса «К критике политической экономии» тоже есть такое высказывание, что Маркс историю буржуазного общества не мог подробно изучать, потому что эта работа была бы бесконечной, а вот можно было идти за литературой, появлявшейся в этом обществе. И историческое на самом деле, и логическое исследовать логическим способом, т.е. брать каждый момент в его зрелости, в высшем его развитии, в чистом виде. Это будет то же самое, что исторический способ, но только освобождённый от исторических случайностей, зигзагов, перерывов, от исторической формы. Так вот, мне думается, и я говорил об этом на Совете Н.А. Цаголова, и сейчас у меня такое убеждение осталось, что это не вполне правильное, недостаточно глубокое понимание исторического метода. Если мы попробуем «опрокинуть» логический способ, вот те же самые категории «поверхности», «сущности», «явления» и «действительности» на прошлое, то окажется, что это прошлое имеет такую специфику, которая является существенной

сама по себе и для понимания логического способа исследования. То есть необходимо идти от логического способа исследования, который использовал К. Маркс, и в этом сказались его громадная интуиция и очень глубокое понимание задач, которые следовало решать, от изучения логики предмета, логического подхода, к историческому способу. Исторический способ *не сводим* просто к описанию истории, к описанию случайностей, перерывов и зигзагов (это всё надо делать), а предпринимается для того, чтобы понять, какие стадии явление проходило. Когда вы накладываете логическое рассмотрение на историческое, не придавая существенного значения историческому рассмотрению, не понимая, что историческое рассмотрение должно быть углублением логического рассмотрения, а не просто иллюстрацией логического рассмотрения, тогда просто уходит из внимания изучение предмета как единого исторического процесса, в котором развитие происходит в ходе смены существенных исторических форм. И только при таком подходе к историческому рассмотрению процесс развития предмета оказывается имеющим *различные стадии*, являющиеся, вместе с тем, *различными стадиями единого процесса*.

В противном случае специфика этих стадий, специфические закономерности этих стадий могут уйти. И тогда может получиться так, что, с одной стороны, мы говорим о формациях, о том, что есть исторический процесс развития, а с другой стороны, в силу такого понимания метода, мы не воспринимаем историю как закономерный процесс перехода от одной формации с её специфическими закономерностями к другой, с другими специфическими закономерностями. И притом, как единый, целостный закономерный процесс. Это единый исторический процесс развития, имеющий различные стадии, закономерная специфика которых не рассматривается при использовании собственно логического способа. Для меня стало в какой-то мере ясно, что, с одной стороны, есть единство логического и исторического процесса, а, с другой стороны, есть существенное различие. И поэтому после логического изучения предмета, например, такого как капитализм, необходимо пе-

реходить специально к исследованию исторического процесса, несводимому просто к изучению случайностей или к исторической форме, понимаемой как нечто несущественное (в том числе и для логического понимания предмета). К изучению закономерного развития предмета, в смене его исторической формы, и изучению закономерностей, закономерных исторических форм.

Скажем, если, идя от логического способа к историческому, исследователь «опрокидывает» категорию логического способа «поверхность» на категорию исторического способа «начало» и полагает, что категория «начала» тождественна категории «поверхность», то для него исчезает *существенное* их различие, существенное различие исторического способа исследования от логического применительно к этим категориям. Точно также нельзя отождествлять рассмотрение превращения товара и денег в капитал с рассмотрением исторических закономерностей первоначального возникновения капитализма.

В связи с этим, появилась также возможность понять, что у К. Маркса учение о формациях, с одной стороны, это колоссальный прорыв в теоретическом плане, а, с другой стороны, формации в некоторой степени рассматриваются с точки зрения капитализма, отрицания капитализма. Однако формации не могут рассматриваться только или, даже, главным образом, с точки зрения отрицания капитализма, уже потому что это процесс, выходящий за рамки отрицания капитализма. Потому что, говоря языком К. Маркса, есть подлинно человеческая история и её предыстория. (Эту подлинно человеческую историю правильнее охарактеризовать как зрелую человеческую историю, в отличие от её незрелости.) Она вполне может быть понята только в том случае, если мы не ограничимся её рассмотрением с точки зрения отрицания капитализма, а рассмотрим всю историю человечества, подходя к коммунизму как к продукту *всей* человеческой истории. Иначе мы не поймём коммунизм в достаточной степени. А этот процесс развития не улавливается в том случае, если мы останавливаемся на таком понимании логического и исторического.

При таком подходе, скажем, это проявляется не только в том, что понимание капитализма как бы, накладывается на историю предшествующих формаций. В этом случае, когда предшествующие формации и капитализм предстают как рядоположенные, не улавливается в полной мере закономерное развитие капитализма из предшествующих ему формаций. И вся предшествующая история не представляется в достаточной степени как *единый закономерный* процесс развития. Это проявилось у К. Маркса во «Введении к экономическим рукописям 1857–1858 гг.», когда он исследует общие взаимоотношения производства, потребления, обмена и распределения и где выделяет, по его мнению, *одинаковые* для различных эпох важные моменты.

Между тем, если мы посмотрим с точки зрения диалектического «снятия» капитализма на всю историю человечества, то в этом случае, *даже самые общие истматовские категории*, такие как «производительные силы», «производственные отношения» и другие, обнаружат свою *изменчивость*. А у нас они воспринимались как неизменные. Как будто эти общие категории можно наложить на все исторические эпохи без существенных изменений. И истоки этого мы находим ещё у К. Маркса.

На самом деле ничего похожего. Развиваются даже самые общие понятия. И это можно понять только в том случае, если мы существенно иначе подходим к соотношению исторического и логического.

Та же самая позиция проявляется и в отношении классов. То, что классы существуют сейчас и будут существовать, как минимум, до тех пор, пока существует противоположность физического и умственного труда, это положение не может быть подвергнуто сомнению. И *непримиримость* классовых противоречий будет сохраняться до тех пор, пока не исчезнут классы. Но понимание классовых взаимоотношений в классическом марксизме остановилось, в общем и целом, на уровне понимания противоположности. А что значит противоположность? Конечно, между противоположностями есть единство. Но, если останавливаться на

противоположности, и в основном, на отрицании противоположностями друг друга, то единство-то уходит куда-то в сторону, а противоположности оказываются *внешними* по отношению друг к другу.

Между тем, следующий этап, который должен бы быть сделан, но он в силу исторической ограниченности той эпохи не был сделан, – это понимание отношения классов как *противоречия*. А противоречие – это более глубокое понимание, чем понимание просто единства противоположностей. В противоречии эти противоположные стороны не просто отрицают, не просто *исключают* друг друга, *они отрицают друг друга в своём взаимопорождении*. Отношения классов как противоречия нельзя было вполне понять в ту историческую эпоху.

Это сказалось в решении многих практических вопросов. Речь идёт не просто о каких-то умозрительных представлениях, которые не имеют никакого отношения к теории и практике коммунистических партий.

На первом этапе возникновения марксизма закономерно на первый план выступила, как совершенно верно отмечал В.И. Ленин, его философская сторона. Так при принципиальных изменениях марксизма, при возникновении его новой исторической формы тоже необходимо преимущественное (*но не исключительное*) обращение к разработке философских проблем и, прежде всего, метода.

С моей точки зрения, *подход с позиции закономерного процесса развития истории* даёт возможность многое понять, что раньше не привлекало внимания или не понималось.

Вот, кстати, в «Философских тетрадах» уже цитировавшийся афоризм В.И. Ленина о том что нельзя вполне понять «Капитал», не исследовав, не изучив *всей* логики Г. Гегеля, относится, в определённой степени, и к самому В.И. Ленину. И это можно показать на тексте фрагмента «К вопросу о диалектике», где он, в своём роде, подводит некоторые итоги. Там есть смешение категории «противоположность» и категории «противоречие». На уров-

не категории «противоречие» там не осознаётся диалектика, диалектический метод. И в этом сказалось то, что он только приступил к работе по систематическому изучению всей логики Г. Гегеля в сравнении с «Капиталом» К. Маркса.

Это сказалось и на его работе «Империализм как высшая стадия капитализма». Хотя это и гениальная работа, но это не непосредственное, систематическое развитие науки о капитале. Доказательство такого положения не может быть приведено в рамках данного доклада.

Если подходить с точки зрения диалектического «снятия» марксизма, то следует иметь в виду, что сам метод необходимо должен развиваться, он должен быть преобразован по сравнению с тем, каким он был в работах К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина. Это не просто прихоть. Без решения этих вопросов нельзя наметить, нельзя предвидеть будущее развитие человечества в той мере, в какой это сейчас необходимо. Нельзя наметить подлинные, отвечающие современной действительности, стратегические цели коммунистических партий. Это относится и к РКРП, которой я в наибольшей степени симпатизирую. Понимание коммунистами современной действительности находится на уровне, не учитывающем существенные, произошедшие после эпохи К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, изменения.

На состояние коммунистических партий, коммунистического движения влияет то важное обстоятельство, что в настоящее время мы переживаем период относительно мирного развития капитализма. (Мирного в том смысле, что его существованию в целом не угрожают социалистические революции в ближайшее время.) И, вместе с тем, сейчас идёт своеобразная, невиданная в истории, то вспыхивающая, то несколько затухающая третья мировая «горячая» война. И, тем не менее, капитализм продолжает переживать относительно стабильный период своего развития, в том смысле, что эта война тоже не угрожает, ближайшим образом, его существованию.

И в этот период удержаться на коммунистических революционных позициях чрезвычайно тяжело. Не случайно имеет место упадок коммунистического движения. Но возрождение коммунистического движения невозможно без прорыва в области теории, в области мировоззрения. Ведь сначала, для того чтобы успешно действовали коммунистические партии, необходимо развитие мировоззрения и метода, соответствующих современной эпохе. На основе теоретических представлений намечаются стратегические цели и задачи. Уже на основе всего этого образуется организация, соответствующая намеченным целям. А организация-то должна меняться в соответствии с изменяющимися условиями. На основе этого определяется и тактика. Без таких необходимых условий коммунистическое движение не может быть успешным. Хотя, конечно, главная причина возрождения коммунистического движения будет заключаться в том, что через какое-то время всё-таки наступит пора новых революций в мировом масштабе. Сейчас я не хочу об этом подробно говорить, кое-что тут можно уже предвидеть, но это тема для специального разговора.

Итак, я остановился сейчас не на всех вопросах, потому что, скажем, в прошлом году уже речь шла о снятии исторического материализма. Вообще надо говорить о снятии всей современной философии.

Дело заключается не в том, чтобы, сняв материализм, остаться на позициях идеализма. Или не в том, чтобы примирить материализм и идеализм. Не об этом речь идёт. А о том, что сейчас постепенно вызревают такие условия, когда вопрос об идеализме и материализме перестанет быть актуальным.

Ведь в связи с чем возникает этот вопрос? Он возникает в связи с возникновением и дальнейшим развитием противоположности физического и умственного труда. Существование такой противоположности является основой возникновения и существования противоположности материализма и идеализма.

Противоположность и классовое расчленение общества, они же не вечны. Не вечна противоположность физического и умствен-

ного труда. Вы посмотрите «Немецкую идеологию». В ней отношение идей и действительности и развитие этого отношения до степени противоположности имеет своей основой разделение физического и умственного труда и развитие его до противоположности. Если противоположность физического и умственного труда исчезнет или исчезнет даже их существенное различие, то принципиально изменится и то, что порождается этой основой. И сейчас это уже можно предвидеть. Появляется возможность для создания новой, более продвинутой, если можно так выразиться, формы взглядов на природу, общество и их взаимодействие. Хотя, до тех пор, пока существуют классы, до тех пор, пока существует противоположность физического и умственного труда, об исчезновении материалистического понимания истории не может быть и речи.

Я хочу ещё раз напомнить, что, когда у нас боролись с религией, то боролись с *атеистических* позиций. Но ведь, если приглядеться (и К. Маркс это, собственно говоря, уже понимал, не в общем плане, но применительно к самому термину), атеизм это отрицание религии, не более того. Но это отрицание только тогда имеет смысл, когда есть религия, когда есть теизм. Если нет религии, не нужен атеизм. Ибо нечего тогда отрицать. Значит, эта борьба, атеистическая пропаганда исходили в нашей стране из наличия теизма, и это вполне закономерно и естественно при определённых условиях.

С одной стороны, атеизм предполагает наличие того, что отрицается (а именно – религия), а с другой стороны, предполагает отношение, совершенно исключающее ее. Поэтому отношение к религии с такой точки зрения может быть как только ее исключение, как только ее отбрасывание, как только исключительное ее устранение. А это не диалектическое отрицание религии. Хотя, конечно, религия является социальной иллюзией, но иллюзией не случайно возникающей и не случайно существующей столь длительное время.

Хочу подчеркнуть еще и еще раз. В недиалектическом отрицании атеизмом религии проявляется чисто односторонняя неприемлемость отношения к религии. Атеисты начисто отрицают религию. Но между тем, религию необходимо диалектически «снять». Например, религия накопила ряд приёмов воздействия на психику человека. Освоила некоторые приёмы психотехники. И если вот так с порога отбрасывать всё, мы не увидим этого накопленного опыта. Сказанное мной не означает, что я стою на позициях сохранения религии. Она должна преодолеваться, но более умно. Только и всего. А этот более умный подход и является диалектическим снятием.

Вот более простой пример. Более простой и менее вызывающий, наверное. Свадебные ритуалы. Те, которые ещё идут из докапиталистического прошлого. Что, их надо было отвергать? Прежде, чем их отвергать, их надо было изучить, и понять, каким потребностям людей они соответствовали. Преодолены ли условия, порождающие эти потребности? Если они не преодолены полностью, значит надо было, изучив, создавать свои собственные традиции, учитывающие данный уровень развития людей.

Из сказанного, на мой взгляд, вытекает иное, более историчное, понимание основных законов диалектики. Оказывается, что понимание даже основных законов диалектики зависит от исторических условий. От уровня, от характера, от стадии развития общества. В том числе, даже основные законы диалектики могут интерпретироваться и более того, в какой-то степени, видоизменяться, но, конечно, не в том смысле, что отрицается полностью, к примеру, переход количественных изменений в коренные качественные. Нет, конечно, не об этом идёт речь. Просто речь идёт о более глубоком понимании основных законов диалектики. Они тоже могут быть подвержены снятию.

В заключение я хочу подчеркнуть следующее. К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин, в особенности К. Маркс, осуществили громаднейший прорыв в теории. Поэтому просто так, с кондачка, к тому, что они сделали, подходить нельзя. К. Маркс открыл но-

вую историческую эпоху теории, открыл, но не закрыл. Он начал её. Причём открыл совершенно гениально. И то, что он был назван по Интернету мыслителем тысячелетия, это, по-моему, совершенно заслуженно. Ф. Энгельс отмечал, что до К. Маркса писали пухлые и бессвязные книги, но только К. Маркс, первый, если не учитывать Г. Гегеля, который всё это сделал на мистической идеалистической основе, создал такую работу, которая является связным целым. Что значит создать работу, которая является единым связным целым? Это и значит диалектически рассмотреть предмет. Рассмотреть предмет во взаимосвязи, взаимодействии, развитии и т.д. Это первым в истории человечества сделал К. Маркс в «Капитале». И до сих пор «Капитал» остаётся единственным произведением, в котором целая наука – политэкономия капитализма – представлена с позиций сознательного применения диалектического метода, Логики с большой буквы.

На этом я хочу закончить.

Ответы на вопросы

Е.Н. Харламенко. Вы сказали, что Гегель только в «Феноменологии духа» прошёл путь от поверхности к сущности. А в «Логике»?

В.А. Вазюлин. В «Логике» логическим способом – да.

Е.Х. Это была не оговорка? Вы сказали, что движение от поверхности к сущности и от сущности к поверхности является взаимоисключающим движением. Но оно ведь и взаимосвязанное тоже?

В.В. Я об этом и говорил. О том, что это единство противоположных движений. В этом движении на одном этапе играет определяющую роль одно движение, а на другом – противоположное, но единство их сохраняется на всех этапах, если познание совершается сознательно, в соответствии с познанными его закономерностями.

Е.Х. Вы говорите, что Энгельс не вполне понял вот этот метод исследования Маркса. Вопрос: понимал ли его сам Маркс?

В.В. Не вполне. Но, прежде чем ответить собственно на этот вопрос, я хочу сказать, что, по мере того как К. Маркс работал над «Капиталом», обнаруживалась потребность перейти к иному, более широкому предмету исследования, к исследованию всей человеческой истории.

Поэтому следует говорить о понимании К. Марксом исторического применительно не к одному только, а к двум предметам, говоря о «Капитале».

Что касается собственно капитала, то его К.Маркс исследовал действительно так, как писал Ф. Энгельс, в основном следуя за литературой, так или иначе отражающей экономику капитализма.

На мой взгляд, сознательно и достаточно определенно он не поставил вопрос о том, что следующим шагом должно быть специальное историческое исследование капитализма, которое может и должно дать не только собственно знание истории капитализма, но и углубить понимание капитализма, достигнутое логическим способом. Более того, необходим еще следующий этап. Специальное рассмотрение единства результатов исторического и логического способов исследования. Это, во-первых. А во-вторых, по мере того, как К.Маркс переходил к исследованию действительности капитала, когда он стал переходить к рассмотрению государства и классов, встала проблема, которая, к сожалению, не сформулирована им достаточно чётко, встала проблема исследования более широкого предмета, а именно общества в целом и всей его истории. То есть исследования и тех сфер жизни общества, которые покоятся на экономической основе. Эти сферы жизни общества формируются не только на капиталистической экономической почве. Они имеют свою, относительно самостоятельную историю, не сводимую только к их истории при капитализме. Таким образом, для того, чтобы вывести из капиталистической экономики другие сферы жизни общества, необходимо было перейти к исследованию докапиталистического развития и экономики, и других сфер жизни общества. То есть решение проблемы выведения с необходимостью требовало перехода к более широкому предме-

ту исследования – к рассмотрению общества в целом и всей его истории. Можно назвать это переходом к логико-историческому исследованию. К.Маркс в конце жизни перешёл к хронологическим выпискам. А в этих выписках содержится в общем и целом традиционный описательный исторический подход. А между тем именно при решении этой проблемы как раз и требовалось несколько иное понимание исторического процесса. Иной способ исследования. Вот здесь он уже требовался в качестве необходимого.

Е.Х. То есть, если я правильно поняла, то соотношение исторического и логического, которое он продемонстрировал в «Капитале», для него самого тоже осталось неосознанным? Он это сделал, но сам не понял?

В.В. Нет, он понимал, но, видите ли, понимал больше что? Что **ЛОГИЧЕСКИЙ** способ един с историческим. То есть то, в какой мере исторический процесс «снимается» в логике. Но не осознавал необходимости специального исследования историческим способом развития капитализма, как существенно углубляющим логическое понимание.

Димитриос Пателис. Вы говорили об исторической ограниченности, которая отражается в «Философских тетрадах» Ленина и в его работе об империализме. В каком смысле ограниченность В.И.Ленина отразилась в работе об империализме?

В.В. В полной мере ответить на этот вопрос сейчас невозможно, но все же я постараюсь сказать о некоторых существенных моментах. Я говорил в докладе о том, что в эпоху К. Маркса и Ф. Энгельса требовался акцент на *отрицании* капитализма. В ту же эпоху, когда В.И. Ленин писал работу об империализме, – эпоху империалистических войн и социалистических революций – вопрос об отрицании капитализма обострился до *крайней* степени. Поэтому, естественно, те исторические ограниченности во взглядах К. Маркса и Ф.Энгельса, которые связаны с акцентом на отрицании капитализма, с необходимостью присутствуют и в работах В.И. Ленина. И они должны присутствовать в еще более

выраженной форме. Обострение классовой борьбы, доходящее до крайних форм, естественно, должно было вызвать непримиримость, более того, *исключающую противоположность* взглядов защитников капитализма, соглашателей, с одной стороны, и противников капитализма – с другой.

Я уже говорил ранее в этом выступлении, что у В.И.Ленина во фрагменте «К вопросу о диалектике» есть понимание диалектики в значительной степени на уровне именно *исключающей* противоположности. То же самое наблюдается и в работе об империализме. И такое отношение к вопросу о взаимодействии противоположных сторон проявляется, в частности, там, где В.И. Ленин критикует ультраимпериализм К.Каутского. (Кстати, то же самое имеет место в статье В.И.Ленина «О лозунге Соединенных штатов Европы».) Если К.Каутский в своих взглядах на ультраимпериализм существеннейшим образом недооценивает внутриимпериалистические противоречия, то В.И.Ленин в *исключающую* противоположность ему недооценивает возможность объединения империалистических государств в некие сверхгосударства, недооценивает возможность создания Соединенных штатов Европы и переоценивает возможности грядущих социалистических революций, предполагая, что победоносная социалистическая революция произойдет раньше, чем это объединение, в той или иной степени совершится. В действительности, победоносная социалистическая революция произошла в России и в некоторых других странах, но они не устранили процесс интеграции империалистических государств в Европе в сверхгосударственное объединение.

Здесь как раз и проявились переоценка В.И. Лениным возможности социалистической революции и недооценка возможностей капитализма. К. Маркс тоже, когда работал над «Капиталом», стремился как можно быстрее его закончить, до «потопа» (К. Маркс). Он тоже преувеличивал возможности революции. Он тоже предполагал, что революция произойдет раньше, чем это в действительности произошло. А в этом, между прочим, выражается недооценка

возможностей капитализма. Такая недооценка внутренне связана с акцентом во взглядах на отрицание на капитализма.

Приведенный пример есть проявление и соответствующего понимания метода, диалектики, Логики. Но более подробно говорить об этом не позволяет время.

В.Г. Голобоков. Есть известное высказывание Ленина о том, что Гегель в своей «Логике» угадал диалектику реального мира. Именно угадал. Как Вы считаете, насколько истинно это высказывание по отношению к Гегелю, что он только лишь угадал? Что диалектическая логика Гегеля лишь плод угадывания диалектики мира?

В.В. Ну, у Маркса есть и другое высказывание по поводу Гегеля, в послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала», что Гегель, несмотря на мистификацию, т.е. идеализм, первым в истории описал всеобщие формы движения диалектики. Как можно описать основные формы диалектики, если только угадать...?!

Т.И. Яброва. В какой-то мере Димитриос предвосхитил и мой вопрос, но я не вполне удовлетворена в объяснении того, что я хочу услышать. У меня очень заземлённый вопрос. Виктор Алексеевич, когда Вы говорили о работе Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма», об ограниченности отрицания в ней капитализма, и вместе с тем развития теории. Нельзя ли понимать Вас так, что имеет основание бытующий сейчас широко в философской среде разговор о том, что наступила новая стадия, – ультраимпериализм.

И второе. Как Вы считаете, в чём развитие методологии Маркса в работе Ленина? Видите ли Вы там развитие самого метода?

В.В. О «бытующих в философской среде разговорах» я отвечу вопросом на вопрос: А кто из философов основательно изучал современный капитализм?! Их позиция – позиция человека, покупающего шапку, не измерившего предварительно головы.

К настоящему времени ещё нет, на мой взгляд, таких опубликованных марксистских работ, в которых бы империализм рассматривался с позиций диалектического «снятия» классической исторической формы марксизма. Все те марксистские работы об империализме, которые опубликованы, написаны с точки зрения, главным образом, отрицания капитализма. В них не учитываются те изменения в методологии, которые должны быть внесены на основе осмысления раннего социализма, его возникновения, развития и гибели в некоторых странах. (Более того, сам ранний социализм ещё в достаточной степени не осмыслен, не поняты глубинные причины его гибели в ряде стран). Поэтому завершённые ответы на поставленные вопросы давать пока, по меньшей мере, сложно, не вызывая реакции непонимания. Изучение работы В.И. Ленина об империализме, как и изучение других работ, могут выявить некоторые необходимые заблуждения, содержащиеся в них и связанные с той эпохой, когда они были написаны, и с учётом углубления в сущность предмета. Я подчёркиваю, что здесь речь идёт о необходимых заблуждениях, а они всегда выявляются, когда происходит процесс диалектического «снятия».

Когда я говорил о ленинской работе, я не подвергал сомнению те выводы, которые он там делал. Я могу пояснить здесь аналогией. Предположим, Маркс, в период формирования философии марксизма. Одно дело, что он написал об экономике капитализма в «Нищете философии», хотя вроде всё писал правильно, и совсем другое дело – в «Капитале». Это разные уровни. Речь идёт о разных уровнях понимания предмета, а не о том, что в этом предмете неправильно выявлены признаки империализма или сделаны неправильные основные выводы.

Если мы начнём изучать империализм с точки зрения диалектического «снятия» исторической формы классического марксизма с соответствующим пониманием диалектического метода, с точки зрения, учитывающей исторический опыт победоносных революций и опыт строительства социализма, а также уроки, следующие из гибели социализма в некоторых социалистических стра-

нах, то мы уже поэтому должны подняться на более высокий уровень осмысления империализма. Мы должны выйти на иной уровень, в том числе и прежде всего, на *новый* методологический уровень. Опять-таки, не в том смысле, что у Ленина всё неправильно. А только в том смысле, что более глубокий уровень изменяет в той или иной степени прежнее наше представление. Такая работа ещё не проделана.

Я написал книгу «Становление метода научного исследования Карла Маркса. Логический аспект» и обнаружил следующее. К. Маркс, идя всё более глубоко, а он в период формирования шёл, по сути дела, от поверхностных слоёв человеческого общества вглубь, к сущности человеческого общества, с одной стороны, шёл к истине и истинно, а с другой стороны, он на каждом уровне допускал необходимые заблуждения. И иначе процесс не может осуществляться. Любой, самый разгениальный исследователь, находится на определённом уровне. Этот уровень необходимо ограничен некоторыми заблуждениями. А эпоха необходимо порождает определённые заблуждения, которые «снимаются» на более глубоком уровне познания. Как ребёнок не может понять каких-то своих заблуждений, пока не станет взрослым, так и К. Маркс не мог устранить заблуждения процесса познания в процессе формирования его философских взглядов, то есть движение от поверхности к сущности, пока не пришёл к завершению этого движения. Исследование не может совершаться, если не допускаются неосознанно, а затем осознанно не «снимаются» необходимые заблуждения. Без этого остановится познание.

То, что я сейчас говорю о К. Марксе, применимо и к работам В.И. Ленина. Но говорить подробно в таком плане о работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» сейчас вряд ли целесообразно в связи с возможной повышенной эмоциональной реакцией. Поэтому я хочу здесь только сказать, в какой-то мере, может быть, и повторить, что исследование всегда есть единство истины и заблуждения, но такие заблуждения обнаруживаются в том слу-

чае, если исследователь переходит к ещё более глубокому постижению сущности.

Если продолжить развитие «Капитала» К. Маркса и, кроме того, продолжить исследования империализма с позиции диалектического «снятия» классической исторической формы марксизма, то мы лишь постепенно придём через некоторые промежуточные звенья к такой теме как империализм.

А В.И. Ленин как бы опустил промежуточные звенья. Ну, иначе было нельзя, это было необходимо практически. Он действительно многое сделал. Но сам он не случайно сказал, что это научно-популярный очерк. Надо к этому прислушаться. Это не просто скромность. Это *реальная* оценка.

Периклис Павлидис. Вы сказали, что Ленин не вполне понимал разницу между противоречием и противоположностью. Как это сказалось на его взглядах насчёт способов и путей строительства социализма в СССР? И в связи с этим, ещё один вопрос: Считаете ли Вы, что такое непонимание разницы между противоречием и противоположностью является характерной чертой всех программ строительства раннего социализма?

В.В. Я думаю, что когда эпоха выдвигает задачу отрицания капитализма, она, естественно, накладывает отпечаток и на понимание будущего общества. Кстати, я не сказал, когда открываются возможности для более глубокого понимания социализма. Когда открывается и требуется проблема снятия социализма. Не тогда, когда социализм идёт по восходящей. Вот когда социализм идёт по восходящей, здесь работает всё то, что было сделано К. Марксом, Ф. Энгельсом, и затем продолжено В.И. Лениным. Всё это не подвергается сомнению. К. Маркс несколько по иному поводу, но, тем не менее, говорил о том, что эпоха понимается тогда достаточно глубоко, когда начинается её самокритика. Т.е., когда *начался* процесс разложения, упадка, тогда появилась, неосознаваемая, конечно, но объективная возможность для того, чтобы понять социализм как историческое явление более глубоко. Тогда, скажем, появилась возможность для того, чтобы понять, то, что у нас было, —

это ранний социализм, со своими особыми чертами. Но необходимый социализм. Необходимая стадия. Иначе быть не могло. Но попробовали бы... ну, об этом никто не мог подумать, когда социализм был на подъёме. О том, чтобы снимать марксизм или иначе относиться к социализму. Но опять же, здесь речь идёт не о том, чтобы отрицать социализм. В смысле зряшного, пустого отрицания. Речь идёт о том, что степень постижения сути социализма в период восходящего социализма не могла быть достаточной для того, чтобы понять его в качестве *раннего*, в качестве определённой исторической стадии социализма. И поэтому отсюда следует, что не могли предвидеть и будущего социализма в нашей стране. Не могли в достаточной степени в то время предвидеть. Это опять естественно-исторический процесс. Как я уже говорил, в тот период, старались только *понимать* Маркса. Диалектическое «снятие» классической исторической формы марксизма могло быть связано только с тем направлением марксистской философии, которое шло по пути исследования фундамента марксизма. А именно «Капитала». И обнаружение возможности и необходимости диалектического снятия происходило по мере углубления в «Капитал», по мере более глубокого понимания метода «Капитала». Вот когда это как система предстало, тогда и обнаружилось, что сама система в своём методологическом содержании является продуктом определённой эпохи. И несёт следы этой эпохи. Только тогда. А сначала речь шла о том, чтобы сравнить логику Гегеля с логикой «Капитала». Причём, это был такой исторический период, когда социализм, в общем и целом, не отрицался как особое общество. Тогда только *начинали* внутри страны появляться «диссиденты», присвоившие себе название «демократы», только тогда стали подвергать сомнению социализм в целом.

Это был как раз такой период, когда стало возможным переосмысление социализма в целом с коммунистических позиций. Не отбрасывать то, что было сделано в СССР, не преуменьшать, а исследовать как явление, достигшее, ну, не зрелого социализма, а достигшее своей высшей точки развития раннего социализма.

Димитриос Пателис. В продолжение того, что было сказано Вами в процессе ответов на вопросы, мне хотелось бы спросить ещё об одном законе. О законе отрицания отрицания. Об уровне этого закона, методологическом уровне понимания этого закона, и о том, как это отражается на теоретическом предвидении и, соответственно, на стратегических задачах, которые ставит перед собой коммунистическое движение?

В.В. У меня есть рукопись об основных законах диалектики, в особенности, о законе отрицания отрицания, об исторической ограниченности понимания этих законов Г. Гегелем и К. Марксом, об историчности понимания этих законов. Но сейчас этот вопрос раскрывать не целесообразно в связи с ограниченностью во времени. Я могу только сказать, что вот такая интерпретация закона отрицания отрицания, которая содержится в трудах К. Маркса. Ф. Энгельса и В.И. Ленина, тоже является исторически ограниченной. Исторически. Это всё время приходится подчёркивать. Не об индивидуальности К. Маркса идёт речь. Он гениальный человек. И преуменьшать тут нечего. И В.И. Ленин гениальный человек. Всё это первоклассные гении. Не о них идёт речь. А речь идёт об эпохе. И том, как эта эпоха с необходимостью должна была отражаться во взглядах. Наступила такая эпоха, когда без снятия марксизма не возродится коммунистическое движение. Оно не пойдёт на подъём. Догматическое представление о марксизме изживает себя. Это не прихоть. Я сам длительное время приписывал Э.В. Ильенкову то, что на самом деле сказал К. Маркс. А то, что появлялось у меня, я приписывал К. Марксу.

Приложение

К ГРЕЧЕСКИМ ЧИТАТЕЛЯМ

В настоящее время многим кажется, что человечество зашло в тупик, в конце которого человеческий род ждёт смерть. Развалился Советский Союз, который в течение нескольких десятилетий был надеждой всех прогрессивных людей мира. В России, в других бывших республиках СССР, в странах Восточной Европы совершилась буржуазная контрреволюция.

Но столь ли уж безвыходно положение человечества? Так ли уж безусловна и окончательна победа капитализма? Так ли уж бесплодны десятилетия существования социализма в СССР и странах Восточной Европы?

На наш взгляд, нет, нет и ещё раз нет. В прошлом, при переходе от феодализма к капитализму, утверждение капитализма происходило волнообразно: буржуазные революции сменялись феодальными контрреволюциями, прежде чем в стране установилось господство капиталистических отношений. При переходе от первобытнообщинного строя к рабовладельческому обществу рабовладельческие государства не единожды завоёвывались варварами, а затем снова возрождалось рабовладение и так продолжалось, пока не установился феодальный строй.

В истории человечества при переходе от одной крупной стадии развития временные откаты истории назад не случайность, а закономерность. Следовательно, сам по себе факт буржуазной контрреволюции не доказывает, что социализм потерпел поражение раз и навсегда. Более того, история человечества – не в силу предопределения, а вследствие естественноисторических причин – имеет общий, закономерный, спиралевидный ход развития, на ос-

нове учёта которого мы можем с уверенностью сказать, что, если человечество не хочет погибнуть (самоистребить себя либо военным путём, либо мирным путем самоудушения отрицательными последствиями своего взаимодействия с природой), оно придёт к коммунизму. Третьего не дано!

Но понять современную эпоху в достаточной степени нельзя, если оставаться на уровне марксизма, как он представлен в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, ибо в мире произошли существенные изменения.

Однако, вместе с тем, развитие марксизма возможно лишь как продолжение марксизма, т. е. развитие, предполагающее действительное знание и понимание взглядов К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина.

Изменения, которые произошли в истории человечества, столь значительны, что они вызывают неотложную потребность в диалектическом “снятии” марксизма. “Снятие” же в диалектическом смысле есть не просто отрицание, а отрицание с сохранением в преобразованном виде того, что отрицается.

В предлагаемой книге рассматривается общество как “органическое целое”, его строение и общий закономерный ход истории человечества с позиции диалектического «снятия» марксизма.

Во времена К. Маркса, Ф. Энгельса и даже В.И. Ленина на первый план выступала потребность исследования капитализма с позиции его отрицания. Мы же располагаем опытом попыток создания социалистического общества (как незрелой фазы коммунизма). Этот опыт открывает принципиальную возможность исследования истории главным образом уже с позиции возможного утверждения коммунистического общества. В таком случае существенно изменяется характер исследования. Во-первых, исследование коммунизма (в том числе его низшей фазы) становится центральным. Во-вторых, так как коммунизм – подлинная история человечества, в отличие от предыстории, то рассмотрение коммунизма (в том числе, социализма) необходимо предполагает исследование всей истории, а социалистическая революция также выс-

тупает не только как диалектическое отрицание капитализма, но и как диалектическое отрицание всей предыстории человечества. Отсюда, кстати сказать, следует, что при таком понимании выявляется большая сложность и глубина преобразований общества при совершении социалистической революции, построении социализма, нежели тогда, когда речь идёт об отрицании капитализма. Да и сроки перехода оказываются более длительными.

В-третьих, изменяется и методология рассмотрения истории. К. Маркс как известно, сделал два великих открытия. Из них первое открытие – материалистическое понимание истории. Если внимательно изучить взгляды этого гениального мыслителя, то можно заметить, что понимание им структуры общества и стадий его развития исторически ограничено. Если говорить коротко и в общем виде, то можно сказать, что структура общества, в понимании К. Маркса, оказывается в значительной степени обобщённым выражением структуры капиталистического общества, а история человечества – если рассматривать самую суть – в той или иной мере экстраполяцией этой структуры на предшествующее развитие истории. Хотя, конечно, в «чистом виде», в осознанной форме таких взглядов у К. Маркса нет. Этот подход осуществлялся неосознанно и был обусловлен эпохой, в которой жил К.Маркс.

Между тем, как мы убедились, в истории человечества изменяются – притом закономерным образом – общее строение человеческого общества, производительные силы как таковые, производственные отношения как таковые, диалектика их как таковая и т.д.

В книге «снимается» материалистическое понимание истории. Материалистическое понимание истории имеет своим глубочайшим основанием разделение и даже противоположность физического и умственного труда. Причём это понимание истории возникает тогда, когда противоположность физического и умственного труда созревает, а вместе с тем возникает и реальная возможность её преодоления, отрицания. Рассмотрение с позиции отрицания предполагает с неизбежностью, что анализ ведётся с позиций того времени, когда противоположность физического и умствен-

ного труда, а значит, и противоположность материализма и идеализма не преодолена.

С позиции же утверждения подлинной истории человечества материалистическое понимание истории предстаёт как необходимое для определённых условий, но вместе с тем исторически преходящее.

Нам думается, что, не «сняв» марксизм, нельзя в современную эпоху достаточно убедительно и обоснованно ответить на вопрос: «как возможен коммунизм».

Автор